

Стивен Кинг

Сезон дождя (сборник)

«Автор»

«АСТ»

2000

Кинг С.

Сезон дождя (сборник) / С. Кинг — «Автор», «АСТ», 2000

ISBN 5-17-004158-6

Дорожная яма непостижимым образом превращается в могилу... Из сливного отверстия ванны вдруг высовывается человеческий палец... Заброшенная тропа приводит в город призраков, откуда невозможно уйти... Человек понимает, что кричит и что никто не слышит его, кроме мертвецов... Поворот штурвала – и самолет взрывается... Омерзительный коготь может перерезать ваше горло раньше, чем вы догадаетесь, что происходит... Это – кошмарные сны. Это – кошмарная реальность. Это – жизнь, ставшая бесконечным ужасом... Это – «Ночные кошмары» Стивена Кинга!

ISBN 5-17-004158-6

© Кинг С., 2000

© Автор, 2000

© АСТ, 2000

Содержание

Скреб-поскреб	5
Кроссовки	25
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Стивен Кинг

Сезон дождя (сборник)

Скреб-поскреб

1

В квартире в Куинз Говард Милта, не слишком известный нью-йоркский дипломированный бухгалтер, жил с женой, но в тот момент, когда впервые раздалось это поскребывание, пребывал в гордом одиночестве. Виолет Милта, еще менее известная медсестра нью-йоркского дантиста, досмотрев выпуск новостей, отправилась в магазин на углу за пинтой мороженого. После новостей началась программа «Риск»², которая ей не нравилась. Она говорила, что терпеть не может Алекса Требека, который напоминал ей продажного евангелиста, но Говард знал истинную причину: во время телевикторины она чувствовала себя полной дурой.

Поскребывание доносилось из ванной, дверь в нее находилась в коротком коридоре, который вел в спальню. Говард замер, едва услышав посторонний звук. Сообразил, что это не наркоман и не грабитель: два года назад, за собственный счет, он установил на окно в ванной крепкую решетку. Скорее, в раковине или ванне скреблась мышь. А то и крыса.

Он подождал, слушая первые вопросы, в надежде что поскребывание прекратится само по себе, но не сложилось. И как только началась рекламная пауза, он с неохотой поднялся с кресла и направился к ванной. Дверь осталась приоткрытой, так что неприятный звук с приближением к его источнику только усилился.

Теперь он практически не сомневался, что издает звук мышь или крыса, царапая фаянс или эмаль маленькими коготками.

– Черт, – пробормотал Говард и потопал на кухню.

Там, в зазоре между газовой плитой и холодильником стояли главные орудия уборки: швабра, ведро с тряпками, метла и совок. Говард в одну руку взял совок, в другую – метлу. Вооружившись, безо всякого энтузиазма вновь пересек маленькую гостиную, держа курс на ванную. Вытянул шею. Прислушался.

Скреб, скреб, скреб-поскреб.

Очень тихий звук. Наверное, не крыса. Однако внутренний голос советовал настраиваться на худшее. Не просто на крысу, а на нью-йоркскую крысу, отвратительное, волосатое существо с маленькими черными глазками и длинными, жесткими, как проволока, усами, торчащими под верхней V-образной губой. Крысу, которая требовала должного отношения.

Звук тихий, не такой уж неприятный, но...

За его спиной Алекс Требек задавал очередной вопрос: «Этого русского безумца застрелили, зарезали и задушили... в одну ночь».

– Это Ленин, – предположил один из участников телевикторины.

– Это Распутин, бестолковка, – пробормотал Говард Милта. Переложил совок в ту руку, что держала метлу, свободную руку сунул в щель между дверью и косяком, нащупал на стене выключатель. Зажег свет и подскочил к ванне, расположенной в углу под окном. Он ненавидел крыс и мышей, ненавидел этих маленьких тварей, которые пищали и скреблись (иногда и кусались), но еще ребенком усвоил простую истину: если от одной из них надо избавиться, делать это надо быстро. Сидеть в кресле и прикидываться, что поскребывание ему прислыша-

¹ The Moving Finger. © Перевод. Вебер В.А., 2000.

² «Риск» – телевикторина, состоит в отгадывании ответа к предлагаемому вопросу и требует от участников высокой эрудиции. Идет с 1974 г. На российском телевидении выходит под названием «Своя игра». – *Примеч. пер.*

лось, не имело смысла. По ходу выпуска новостей Ви уговорила пару бутылок пива, и он знал, что, по возвращении из магазина, первой ее остановкой станет ванная. А увидев мышь, она поднимет дикий крик и потребует, чтобы он выполнил свой мужской долг. Так что ему все равно пришлось бы избавляться от мерзкого животного, но в спешке.

В ванне он обнаружил только душевую головку. Подсоединенный к ней шланг изогнулся на белой эмали, словно дохлая змея.

Поскребывание прекратилось то ли когда Говард включил свет, то ли когда вошел в ванную, но теперь послышалось вновь, за его спиной. Говард повернулся и шагнул к раковине, поднимая метлу.

Пальцы, сжимающие рукоятку, поднялись на уровень подбородка и замерли. А вот нижняя челюсть отвисла. Если б он взглянул на свое отражение в заляпанном зубной пастой зеркале над раковиной, то увидел бы капельки слюны, поблескивающие между языком и нёбом.

Из сливного отверстия раковины торчал палец.

Человеческий палец.

Он тоже застыл, словно почувствовал, что его заметили, а потом вновь задвигался, ощупывая розовый фаянс. Набрел на белую резиновую затычку, перевалил через нее, опять спустился на фаянс. Так что мышь не имела к поскребыванию никакого отношения. Звук этот возникал при контакте ногтя и фаянса.

Из горла Говарда вырвался хриплый вскрик, он выронил щетку, рванул к двери, но угодил плечом о выложенную кафелем стену. Предпринял вторую попытку. На этот раз удачную. Захлопнул за собой дверь, привалился к ней спиной, тяжело дыша. Сердце билось так сильно, что удары отдавались в горле.

Наверное, у двери он простоял не очень долго – когда он вновь смог контролировать свои действия и мысли, Алекс Требек все еще задавал троим участникам телевикторины вопросы одинарной игры, но в этот период времени сознание у него словно отключилось: Говард не мог сказать, ни кто он, ни где находится.

Из ступора его вывел гонг, означающий, что начинается двойная игра и очки за каждый правильный ответ удваиваются.

– Категория «Космос и авиация», – говорил Алекс. – На вашем счету семьсот долларов, Милдред. Сколько вы хотите поставить?

Милдред, которой эта категория явно не нравилась, пробормотала что-то невразумительное.

Говард отвалился от двери и вернулся в гостиную на негнущихся ногах. В руке он все еще держал совок. Посмотрел на него, разжал пальцы. Совок упал на ковер, подняв облачко пыли.

– Я этого не видел, – дрожащим голос изрек Говард Милта и плюхнулся в кресло.

– Хорошо, Милдред, вопрос на пятьсот долларов: Эта база ВВС США первоначально называлась Майрокская испытательная площадка.

Говард уставился на телеэкран. Милдред, маленькая серая мышка со слуховым аппаратом, торчащим из-за одного уха, глубоко задумалась.

– Это... авиабаза Ванденберг? – спросила Милдред.

– Это авиабаза Эдвардс, тупица, – дал свой вариант ответа Говард. И в тот самый момент, когда Алекс Требек подтверждал его правоту, пробормотал: – Я ничего там не видел.

Но до возвращения Виолет оставалось совсем ничего, а он бросил щетку в ванной.

Алекс сказал участникам телевикторины, а заодно и зрителям, что еще ничего не решено и в ходе двойной игры положение участников может меняться с калейдоскопической быстротой. И тут же на экране появилась физиономия политика, который начал объяснять, почему его необходимо переизбрать. Говард, собрав волю в кулак, поднялся на ноги. Они уже начали немного гнуться, но ему все равно не хотелось идти в ванную.

Послушай, сказал он себе, все это более чем просто. Такое случается. Ты испытал мгновенную галлюцинацию, скорее всего для многих это обычное дело. И ты слышал бы о подобных случаях гораздо чаще, если бы люди не стеснялись об этом говорить... Видеть галлюцинации почему-то считается неприличным. Вот и тебе не хочется об этом говорить. Но если Ви вернется и обнаружит щетку в ванной, она начнет допытываться, с чего она там взялась.

– Послушайте, – сочным баритоном убеждал политик зрителей, – когда мы смотрим в корень, ситуация становится предельно простой: или вы хотите, чтобы во главе статистического бюро округа Нассау стоял честный, компетентный специалист, или вы хотите человека со стороны, который будет отрабатывать деньги, полученные на предвыборную кампанию...

– Готов спорить, это был воздух в трубах, – сказал себе Говард, хотя звук, заставивший его заглянуть в ванную, не имел ни малейшего сходства с бурчанием в трубах. Но собственный голос, уже не дрожащий, взятый под контроль, придал ему уверенности.

А кроме того... Ви могла вернуться с минуты на минуту.

Говард остановился у двери, прислушался.

Скреб, скреб, скреб. Где-то там слепой мальчик-с-пальчик постукивал палочкой по фаянсу, нащупывая путь к нужному ему месту.

– Воздух в трубах! – громко отчеканил Говард и смело распахнул дверь в ванную. Наклонился, схватил щетку, дернул на себя. Ему пришлось зайти в ванную только на два шага, и он не увидел ничего, кроме выцветшего, бугристого линолеума да забранной сеткой вентиляционной шахты. И уж конечно, он не стал смотреть в раковину.

Очутившись за дверью, он вновь прислушался.

Скреб, скреб. Скреб-поскреб.

Он поставил щетку и совок в зазор между газовой плитой и холодильником, вернулся в гостиную. Постоял, глядя на дверь в ванную. Он оставил ее приоткрытой, так что по полу вытянулась желтая полоса.

Лучше бы погасить свет. Ты знаешь, как воспринимает Ви перерасход электроэнергии. Для этого даже не нужно входить в ванную. Достаточно просунуть руку в щель и повернуть выключатель.

А вдруг что-то коснется его руки, когда он потянется к выключателю?

Вдруг чей-то палец коснется его пальца?

Как насчет этого, мальчики и девочки?

Он по-прежнему слышал этот звук. Навязчивый, неумолимый звук. Сводящий с ума.

Скреб. Скреб. Скреб.

На экране Алекс Требек зачитывал категории Двойного риска. Говард шагнул к телевизору и прибавил звук. Сел в кресло и сказал себе, что не слышал в ванной никаких посторонних звуков, абсолютно никаких. Разве что воздух урчал в трубах.

Ви Милта относилась к той категории женщин, которые выглядят, как хрупкие сосуды, и могут рассыпаться при неосторожном прикосновении, но Говард прожил с ней двадцать один год и знал, сколь обманчива эта хрупкость. Она ела, пила, работала, танцевала и трахалась в одной и той же манере: *con brío*³. Вот и теперь она ураганом ворвалась в квартиру с большим пакетом из плотной коричневой бумаги, который прижимала к груди. Без остановки проскочила на кухню. Говард услышал, как захрустел пакет, открылась и закрылась дверца холодильника. На обратном пути она бросила Говарду пальто.

– Повесишь, а? Я хочу пи-пи. Просто невтерпеж. Уф!

«Уф!» Одно из любимых выражений Ви. Имело массу всяких и разных значений.

³ *Con brío* – стремительно (итал.).

– Конечно, Ви. – Говард медленно поднялся с темно-синим пальто Ви в руках. Проводил ее взглядом. Вот она прошла по коридору, открыла дверь ванной. Обернулась, прежде чем скрыться за ней.

– «Кон эд»⁴ обожает тех, кто не гасит свет, Гоуви.

– Я его специально зажег, – ответил Говард. – Знал, что ты первым делом заглянешь туда. Она рассмеялась. Он услышал, как зашуршала ее одежда.

– Ты так хорошо меня знаешь. Это признак того, что мы по-прежнему любим друг друга.

Надо сказать ей... предупредить, подумал Говард, но знал, что у него не повернется язык. Да и что он мог сказать? Осторожно, Ви, из сливного отверстия раковины торчит палец, поэтому будь осторожна, а не то парень, которому принадлежит палец, ткнет тебя в глаз, когда ты захочешь набрать стакан воды.

И потом, это же была галлюцинация, обусловленная урчанием воздуха в трубах и его страхом перед крысами и мышами.

Тем не менее он так и застыл с пальто Ви в руках, ожидая, что она закричит. Так и произошло, десять или двенадцать секунд спустя.

– Боже мой, Говард!

Говард подпрыгнул, еще крепче прижал пальто к груди. Сердце, уже совсем успокоившееся, резко ускорило свой бег. На несколько мгновений он даже лишился дара речи, но потом сумел-таки прохрипеть: «Что? Что, Ви? Что такое?»

– Полотенца! Половина полотенца на полу! Уф! Что тут у тебя произошло?

– Я не знаю! – крикнул он в ответ. Сердце все колотилось да еще скрутило живот, то ли от ужаса, то ли от облегчения. Наверное, он сбросил полотенца на пол при первой попытке выскочить из ванной, когда врезался в стену.

– Должно быть, домовый. Ты уж не подумай, что я тебя пилю, но ты опять забыл опустить сиденье.

– О... извини.

– Да, ты всегда так говоришь, – донеслось из ванной. – Иногда я думаю, что ты хочешь, чтобы я провалилась в унитаз и утонула. И я чуть не провалилась! – Сиденье легло на унитаз, Ви уселась на него. Говард ждал – с часто бьющимся сердцем, с пальто Ви, прижатом к груди.

– Он держит рекорд по числу страйк-аутов⁵ в одном розыгрыше, – зачитал Алекс Требек очередной вопрос.

– Том Сивер? – без запинки выстрелила Милдред.

– Роджер Клеменс, дубина, – поправил ее Говард.

Гр-р-р-р! Ви спустила воду, и наступил момент, которого Говард ждал (подсознательно) со все возрастающим ужасом. Пауза длилась, длилась и длилась. Наконец скрипнул вентиль горячей воды (Говард давно собирался поменять его, но все не доходили руки), полилась вода, Ви начала мыть руки.

Никаких криков.

Естественно – пальца-то не было.

– Воздух в трубах, – уверенно изрек Говард и двинулся в прихожую, чтобы повесить пальто жены.

Она вышла из ванной, поправляя юбку.

⁴ «Кон Эд» – «Консолидейтид Эдисон» – компания коммунального электроснабжения, монопольно обслуживающая северо-восток США. – *Примеч. пер.*

⁵ Страйк-аут – в бейсболе три страйка бэттера засчитываются как аут. Страйк – пропущенный бэттером удар: засчитывается, если бэттер промахивается по правильно поданному питчером мячу или бьет по неправильно поданному мячу. – *Примеч. пер.*

– Я купила мороженое. Клубнично-ванильное, как ты и хотел. Но прежде чем мы приступим к мороженому, почему бы тебе не выпить со мной пива, Гоуви? Какой-то новый сорт. Называется «Американское зерновое». Никогда о нем не слышала. Его продавали на распродаже, вот я и купила упаковку. Кто не рискует, тот не выигрывает, или я не права?

– Трудно сказать. – Любовь Ви ко всяким присказкам и поговоркам поначалу очень ему нравилась, но с годами приелась. Однако со всеми этими страхами, которые ему пришлось пережить, пиво могло прийти очень даже кстати. Ви ушла на кухню, чтобы принести ему стакан с ее новым приобретением, а Говард внезапно осознал, что страхи-то никуда не подевались. Конечно, лучше уж видеть галлюцинацию, чем настоящий живой палец, торчащий из сливного отверстия раковины, но ведь и галлюцинация – тоже не подарок, скорее тревожный симптом.

Говард в который уж раз за вечер сел в кресло. И когда Алекс Требек объявлял финальную категорию, «Шестидесятые», думал о различных телепередачах, в которых подробно объяснялось, что галлюцинации свойственны: а) больным эпилепсией; б) страдающим опухолью мозга. И таких передач он видел очень даже много.

Ви вернулась в гостиную с двумя стаканами пива.

– Знаешь, не нравятся мне вьетнамцы, которые хозяйничают в магазине. И никогда не нравились. Я думаю, они подворовывают.

– А ты их хоть раз поймала? – Сам-то он думал, что хозяева магазина – вполне приличные люди, но сегодня его несколько не волновал их моральный облик.

– Нет, – ответила Ви. – Ни разу. И это настораживает. Опять же, они все время улыбаются. Мой отец частенько говорил: «Никогда не доверяй улыбающемуся человеку». Он также говорил... Говард, тебе нехорошо?

– Так что он говорил? – Говард предпринял слабую попытку поддержать разговор.

– *Tres amusant, cheri*⁶. Ты стал белым как молоко. Может, ты заболел?

Нет, едва не сорвалось у него с языка, я не заболел. Потому что заболел – это мягко сказано. Речь-то идет не о простуде или гриппе. Я думаю, что у меня эпилепсия или опухоль мозга, Ви. Ты понимаешь, чем это чревато?

– Наверное, от переутомления. Я рассказывал тебе о нашем новом клиенте. Больнице святой Анны.

– И что там такое?

– Настоящее крысиное гнездо, – ответил он и тут же вспомнил о раковине и сливном отверстии. – Монахинь нельзя подпускать к бухгалтерии. Об этом следовало написать в Библии.

– А все потому, что ты позволяешь мистеру Лэтропу гонять тебя в хвост и в гриву. И так будет продолжаться, если ты не сможешь постоять за себя. Хочешь допрыгаться до инфаркта?

– Нет. – *И я не хочу допрыгаться до эпилепсии или опухоли мозга. Пожалуйста, Господи, пусть все ограничится одним разом. Ладно? Что-то там мне привиделось, но больше этого не повторится. Хорошо? Пожалуйста. Очень Тебя прошу. Просто умоляю.*

– Разумеется, не хочешь. – Лицо ее стало серьезным. – Арлен Кац на днях сказала мне, что мужчины моложе пятидесяти практически никогда не выходят из больницы, если попадают туда с инфарктом. А тебе только сорок один. Пора тебе научиться постоять за себя, Говард. Очень уж ты прогибаешься.

– Наверное, ты права, – с грустью согласился он.

Тем временем закончилась рекламная пауза, и Алекс Требек задал финальный вопрос: «Эта группа хиппи пересекла Соединенные Штаты в одном автобусе с писателем Кеном Кизи». Заиграла музыка, двое мужчин принялись что-то лихорадочно записывать, Милдред, женщина

⁶ Поразительно, дорогой (*фр.*).

с торчащим из-за уха слуховым аппаратом, пребывала в полной растерянности. Наконец и она начала что-то писать. Но чувствовалось, что плодотворных идей у нее нет.

Ви приложила к стакану.

– Слушай, а неплохое пиво! Учитывая, что упаковка стоит всего два доллара и шестьдесят семь центов.

Говард поднес стакан ко рту. Ничего особенного, пиво как пиво. Разве что мокрое, холодное... и успокаивающее.

Оба мужчины выстрелили в молоко. Милдред тоже ошиблась, но хотя бы двигалась в правильном направлении.

– Это «Веселые люди»?

– «Веселые проказники», глупышка, – поправил ее Говард.

Ви восхищенно посмотрела на него.

– Ты знаешь все ответы, Говард, верно?

– Если бы, – вздохнул он.

Говард не чувствовал вкуса пива, но в тот вечер уговорил три банки «Американского зернового». Ви даже добродушно отметила, что ей, похоже, следовало брать две упаковки. Но Говард надеялся, что пиво поможет ему быстрее заснуть. Он опасался, что без этой помощи будет долго лежать без сна, думая о том, что ему привиделось в раковине. Но, как часто говорила ему Ви, в пиве было много витамина Р, и в половине девятого, после того как Ви отправилась в спальню надевать ночную рубашку, Говард с неохотой прошептал в ванную облегчиться.

Первым делом он подошел к раковине, заставил себя заглянуть в нее.

Ничего.

На душе полегчало (в конце концов лучше галлюцинация, чем настоящий палец, несмотря на опасность опухоли мозга), но смотреть в сливное отверстие все равно не хотелось. Латунная крестовина, которая предназначалась для того, чтобы задерживать волосы или шпильки, давно уже куда-то подевалась, так что осталась лишь черная дыра, окантованная потускневшим стальным кольцом. Дыра эта чем-то напоминала пустую глазницу.

Говард взял резиновую затычку и заткнул дыру.

Так-то лучше.

Он отошел от раковины, поднял туалетное сиденье (Ви постоянно жаловалась, что он забывает опустить сиденье, справив малую нужду, но не считала необходимым поднять сиденье, сделав свои дела), расстегнул штаны. Он относился к тем мужчинам, у которых незамедлительное опорожнение мочевого пузыря начиналось лишь в случае крайнего его переполнения (и которые не могли пользоваться переполненными общественными туалетами: мысль о том, что позади стоят люди, которым не терпится отлить, перекрывала мочеиспускательный канал). Поэтому он занялся привычным делом, каким занимался всегда в промежуток времени, отделивший нацеливание инструмента от выброса струи: перебирал в уме простые числа.

Дошел до тринадцати, почувствовал, что сладостный момент близок, но за спиной что-то чвакнуло. Его мочевой пузырь, раньше мозга осознавший, что звук этот вызван затычкой, которую вышибло из стального кольца, резко (и болезненно) перекрыл мочеиспускательный канал. Единственная капелька мочи сиротливо капнула в унитаз, после чего пенис скукожился в его руке, словно черепаха, забирающаяся под панцирь.

Говард медленно, нетвердым шагом вернулся к раковине. Заглянул в нее.

Палец вернулся. Очень длинный, но в общем-то нормальный человеческий палец. Говард видел ноготь, не обгрызанный, обычной длины, и две первые фаланги. У него на глазах палец вновь принялся постукивать по фаянсу, знакомясь с окружающим сливное отверстие пространством.

Говард наклонился, заглянул под раковину. Труба, выходящая из пола, в диаметре не превышала трех дюймов. То есть рука уместиться в ней никак не могла. Кроме того, имело место быть колено, в котором размещалась ловушка для мусора. Так откуда рос палец? К чему он подсоединялся?

Говард выпрямился и на мгновение почувствовал, что его голова словно отделилась от шеи и движется сама по себе. Перед глазами побежали маленькие черные точки.

Я сейчас грохнусь в обморок, подумал он. Схватил себя за мочку правого уха, резко дернул, как испуганный пассажир дергает стоп-кран, останавливая поезд. Головокружение прошло... палец остался.

Это не галлюцинация. При чем тут галлюцинация? Он видел крошечную капельку воды на ногте, клочок белой пены под ним... мыльной пены, почти наверняка мыльной. Ви, справив нужду, всегда мыла руки с мылом.

Однако, может, это и галлюцинация. Все возможно. Да, ты видишь воду и мыльную пену, но разве они не могут быть плодом твоего разыгравшегося воображения? И, послушай, Говард, если тебе все это не привиделось, то что, черт побери, происходит в твоей ванной? Как вообще попал сюда этот палец? И почему Ви его не увидела?

Тогда, позови ее... немедленно позови ее сюда, скомандовал внутренний голос, но тут же отдал другую команду, прямо противоположную: *Нет! Не делай этого! Потому что, если ты будешь видеть этот палец, а она – нет...*

Говард закрыл глаза и на мгновение перенесся в мир, где существовали лишь вспыхивающие красные звезды да его отчаянно бьющееся сердце.

Открыв глаза, он нашел палец на прежнем месте.

– Кто ты? – прошептал он, едва шевеля губами. – Кто ты и что ты тут делаешь?

Палец немедленно прекратил ползть по фаянсу. Поднялся, качнулся... нацелился на Говарда. Тот отступил на шаг, прижал руки ко рту, чтобы подавить рванувшийся из горла крик. Ему хотелось оторвать взгляд от этого отвратительного пальца, торчащего из сливного отверстия раковины, хотелось повернуться и выскочить из ванной (наплевав на то, что подумает, скажет или увидит Ви)... но его словно парализовало и он не мог оторвать глаз от этой розовато-белой единички, которая очень напоминала перископ.

А потом палец согнулся во второй фаланге, коснулся фаянса, вновь заскреб по нему.

– Гоуви? – позвала Ви. – Ты там не утонул?

– Уже иду! – неестественно радостным голосом отозвался Говард.

Смыл водой единственную капельку мочи, упавшую в унитаз, двинулся к двери, по широкой дуге огибая раковину. Однако поймал свое отражение в зеркале: огромные глаза, белая как мел кожа. Ущипнул себя за щеки, прежде чем покинуть ванную, которая в течение одного вечера вдруг стала самым ужасным и непредсказуемым местом из всех, куда заносила его жизнь.

Когда Ви вышла на кухню, чтобы посмотреть, почему муж до сих пор не в постели, она увидела, что Говард смотрит на холодильник.

– Чего ты хочешь? – спросила она.

– Пепси. Пожалуй, спущусь в магазин и куплю бутылку.

– После трех банок пива и целого блюда мороженого? Ты лопнешь, Говард.

– Нет, не лопну, – ответил он. Хотя чувствовал, что так и будет, если не удастся опорожнить мочевой пузырь.

– Ты уверен, что нормально себя чувствуешь? – Ви критически оглядывала его, но тон стал мягче, в нем чувствовалась искренняя забота. – Ты ужасно выглядишь. Ужасно.

– Знаешь, на работе носится какая-то простуда. Возможно...

– Я принесу эту чертову газировку, если тебе действительно хочется пить.

– Нет, не принесешь, – торопливо возразил Говард. – Ты же в ночной рубашке. А я... я надену пальто.

– Когда ты в последний раз проходил диспансерное обследование, Говард? Это было так давно, что я уже и забыла.

– Завтра я посмотрю. – Он прошел в маленькую прихожую, взял пальто. – В страховом полисе наверняка есть отметка.

– Обязательно посмотри! А раз уж тебе неможется и ты действительно хочешь идти в магазин, возьми мой шарф.

– Ладно. Хорошая идея. – Надевая пальто, он встал к ней спиной, чтобы она не заметила, как дрожат его руки. А обернувшись, увидел, что она исчезла в ванной. Подождал несколько мгновений, ожидая истошного крика, потом услышал, как в раковину потекла вода. По доносившимся звукам понял, что Ви чистит зубы, в привычной для нее манере: *con brio*.

Еще какое-то время постоял, обсасывая предложенный рассудком вердикт: «Я теряю связь с реальностью».

Терял он эту связь или не терял, на первый план выступало другое: если он в самом скором времени не отошьет, его ждали пренеприятные последствия. Но хоть эту проблему он все-таки мог решить, что вселяло уверенность. Говард открыл дверь, уже перенес ногу через порог, но вернулся, чтобы взять шарф Ви.

И когда ты намереваешься рассказать ей о последних невероятных приключениях, которые выпали на долю Говарда Милты? – вдруг полюбопытствовал внутренний голос.

Говард вышвырнул из головы эту мысль и сосредоточился на том, чтобы аккуратно запихнуть шарф под лацканы двубортного пальто.

Квартира, в которой жили Говард и Виолет, находилась на четвертом этаже девятиэтажного жилого дома на Хаукинг-стрит. По правую руку, в полуквартале, на углу Хаукинг-стрит и бульвара Куинз, – мини-маркет Лаксов, работавший двадцать четыре часа в сутки. Говард повернул налево, дошел до торца здания. Здесь от улицы отходил узкий проулок, ведущий во двор. По обеим сторонам проулка стояли контейнеры с мусором. Между ними бездомные и алкоголики зачастую находили ночное прибежище, постелив на асфальт газеты. В этот вечер желающих скоротать ночь в проулке на нашлось, чему Говард очень обрадовался.

Он зашел в зазор между первым и вторым контейнерами, расстегнул молнию и направил на стену мощную струю. Поначалу наслаждение было столь велико, что он буквально вознесся на вершину блаженства, забыв о недавних неприятностях, но по мере того как напор струи начал слабеть, в голову вновь полезли нехорошие мысли.

Положение у него было аховое.

Он справлял малую нужду у стены дома, в котором у него была теплая, уютная квартира, нервно оглядываясь через плечо, из опасения, что его кто-то увидит. Любой наркоман или грабитель мог стукнуть его по голове, раздеть, а то и убить. Но было бы еще хуже, если б его застукали, к примеру, Фенстеры из квартиры 2С или Дэттлбаумы из 3В. Как бы он объяснял свое поведение? И что произошло бы после того, как назавтра это трепло, Алисия Фенстер, рассказала бы обо всем Ви?

Облегчившись, Говард застегнул молнию и вернулся ко входу в проулок. Посмотрел направо, налево, убедился, что улица пуста, проследовал к мини-маркету и купил бутылку пепси-колы у вечно улыбающейся, смуглолицей миссис Лакс.

– Сто-то вы сегодня бледный, мистел Милта, – посочувствовала ему миссис Лакс сквозь улыбку. – Вам несдоловится?

Будьте уверены, подумал он. Еще как нездоровится, миссис Лакс. Такого сегодня натерпелся страха, а ведь ягодки еще впереди.

– Наверное, подцепил какую-то вирусную инфекцию в раковине, – ответил он. Улыбка вдруг начала сползать с ее лица. И он понял, что ляпнул не то. – Я хотел сказать, на работе.

– Одевайтесь потеплее. – Улыбка вернулась на прежнее место. – По радио обещали похолодание.

– Благодарю вас, – ответил он. По пути домой открыл бутылку и вылил содержимое на тротуар. Поскольку ванная стала запретной территорией, он понял, что надо ограничивать себя в жидкости.

Войдя в квартиру, он услышал умиротворенное похрапывание Ви, доносящееся из спальни. Три банки пива сразили ее наповал. Он поставил пустую бутылку на кухонный столик, направляясь в спальню, остановился у двери в ванную, приник к ней ухом, прислушался.

Скреб, скреб, скреб-поскреб.

Говард улегся в кровать, не почистив зубы. Такое случилось с ним впервые за последние двадцать девять лет. В предыдущий раз он не чистил зубы целых две недели: отправляя его в летний лагерь «Высокие сосны», мать забыла положить в рюкзак зубную щетку.

Он долго лежал без сна рядом с Ви.

Слушал, как палец описывает бессчетные круги по фаянсу раковины, скребя по нему ногтем. По большому счету он не мог ничего слышать, его и палец разделяли две плотно закрытые двери, но он знал, что палец «гуляет» по раковине, а потому представлял себе, что слышит это мерзкое поскребывание, и не мог уснуть.

Но одной бессонницей его беды не ограничивались. Он по-прежнему не знал, как решать возникшие перед ним проблемы. Не мог же он до конца жизни мочиться в проулке. Он сомневался, что во второй раз не попадет на глаза кому-нибудь из друзей или соседей. И что тогда будет? Этого вопроса на финальной стадии «Риска» не задавали, и он представить себе не мог, каким будет ответ. Нет, в проулок он больше ни ногой.

Может, осторожно предложил внутренний голос, ты привыкнешь к этой пакости.

Нет. Это просто невозможно. Он прожил с Ви двадцать один год, но не мог справлять малую нужду в ее присутствии. Мочеиспускательный канал перекрывался напрочь. Она-то могла, пока он брился, сидеть на толчке, писать и рассказывать о том, что ее ждет сегодня у доктора Стоуна, но с ним такой номер не проходил. Он мог опорожнять мочевой пузырь лишь в полном одиночестве.

Если палец не уйдет сам по себе, тогда тебе придется перестраиваться, менять устоявшиеся привычки, подвел невеселый итог внутренний голос.

Говард повернул голову, взглянул на часы, стоявшие на столике у кровати. Без четверти два... и ему опять приспичило.

Он осторожно поднялся, на цыпочках вышел из спальни, мимо двери в ванную, за которой ни на секунду не утихало поскребывание, проследовал на кухню. Передвинул скамеечку для ног к раковине, встал на нее, прицелился в сливное отверстие, прислушиваясь к звукам, доносящимся из спальни: как бы Ви тоже не встала с кровати.

В конце концов все у него получилось... после того, как он добрался до трехсот сорока семи. Это был рекорд. Он поставил подставку на место, на цыпочках вернулся в спальню, думая: «Долго я так не протяну. Не смогу».

Проходя мимо двери в ванную, хищно ощерился.

Когда в половине седьмого зазвенел будильник, он выбрался из кровати, потащился в ванную, осторожно переступил порог.

Увидел, что раковина пуста.

– Слава Богу, – дрожащим голосом прошептал он. Волна облегчения накрыла его с головой. – О, слава Б...

Палец выскочил, как черт из табакерки, словно откликнувшись на его голос. Три раза крутанулся вокруг своей оси и потом согнулся в верхнем суставе, словно ирландский сеттер, готовый броситься за добычей. А указывала верхняя фаланга на него.

Говард отступил от раковины, не подозревая, что его губы разошлись в зверином оскале.

А кончик пальца поднимался и опускался, поднимался и опускался... словно палец здоровался с ним. Доброе утро, Говард, как приятно тебя видеть.

– Пошел на хер, – пробормотал Говард и решительно повернулся лицом к унитазу. Попытался отлить... бесполезно. Его захлестнула ярость, захотелось ухватиться за палец, вырвать его, бросить на пол и топтать, топтать, топтать...

– Говард? – простонала за дверью Ви. Постучала. – Ты скоро?

– Да. – Он приложил все силы, чтобы голос звучал как обычно. Спустил воду.

Но Ви абсолютно не волновало, как звучит голос Говарда, она даже не вскинула на мужа глаза, чтобы посмотреть, как он выглядит. В это утро она мучилась от похмелья.

– Не самое ужасное, которое мне довелось испытать, но одно из худших, – пробормотала Ви, протискиваясь мимо него, поддержула ночнушку, плюхнулась на сиденье. Прижала руку ко лбу. – Нет, больше я эту гадость не покупаю. «Американское зерновое», чтоб оно лопнуло. Кто-то должен сказать этим пивоварам, что удобряют зерно при посеве, а не после жатвы. Чтобы от трех паршивых банок пива так болела голова! Боже! Не зря говорят, скупой платит дважды. Задешево качественный товар не продают. Особенно на распродаже у этих Лаксов. Гоуви, будь хорошим мальчиком, дай мне аспирин.

– Уже несу.

Он осторожно приблизился к раковине. Палец исчез. Похоже, боялся Ви. В аптечном шкафчике Говард взял пузырек аспирина, вытряс из него две таблетки. Когда ставил пузырек на место, вроде бы увидел кончик пальца, который на мгновение высунулся из сливного отверстия. На четверть дюйма, не больше. Покачался, прежде чем скрыться из виду.

Я намерен от тебя избавиться, друг мой, внезапно подумал Говард. Вместе с этой мыслью пришла злость, холодная, рациональная злость. И его это порадовало. Злость прочистила ему мозги, точно так же, как советские ледоколы прочищали фарватер Северного морского пути. *Я до тебя доберусь. Еще не знаю как, но обязательно доберусь.*

Он протянул Ви таблетки.

– Одну минуту, наберу тебе воды.

– Не надо, – умирающим голосом остановила его Ви, разжевала таблетки. – Так они подействуют быстрее.

– Смотри, не наживи язву. – Говард вдруг понял, что ему очень даже нравится находиться в ванной с Ви.

– Не волнуйся. – В голосе жизни не прибавилось. Она спустила воду. – Как ты сегодня?

– Не очень, – чуть запнувшись, ответил он.

– У тебя тоже похмелье?

– Пожалуй, что нет. Я думаю, вирусная инфекция, о которой я тебе говорил. Дерет горло, может, даже поднялась температура.

– Так тебе лучше остаться дома. – Она подошла к раковине, взяла из стаканчика зубную щетку, начала чистить зубы.

– Может, и ты останешься?

Он не хотел, чтобы Ви осталась дома. Предпочел бы, чтобы она провела день рядом с доктором Стоуном, помогая ставить пломбы, но не мог же он сказать такое мучающейся от похмелья жене.

Она посмотрела на себя в зеркало. Бледность чуть отступила, глаза заблестели. В движениях прибавилось энергии.

– Если я не смогу пойти на работу из-за похмелья, мне придется бросать пить, – ответила она. – И потом, сегодня я нужна доктору. Он будет обтачивать зубы под установку верхней челюсти. Грязная работа, но кто-то же должен ее делать.

Она плюнула в сливное отверстие, и Говард подумал: «В следующий раз он вылезет, вымазанный зубной пастой. Господи Иисусе!»

– Ты остаешься дома, сидишь в тепле, пьешь много жидкости. – Ви заговорила тоном старшей медицинской сестры. – Заодно и считаешь. И пусть мистер Лэтроп поймет, что без тебя он, как без рук. Пусть дважды подумает, прежде чем перегружать тебя работой.

– Дельная мысль, – не стал спорить Говард.

Она поцеловала его, подмигнула.

– Твоя Виолет тоже знает ответы на многие вопросы.

Полчаса спустя, выходя из дома, она уже напрочь забыла о похмелье.

Как только за Ви захлопнулась дверь, Говард переставил подставку для ног к раковине в кухне и помочился в сливное отверстие. Без Ви процесс заметно ускорился: моча потекла, едва он дошел до двадцати трех, девятого по счету простого числа.

Что ж, об одной проблеме он мог не думать по меньшей мере несколько часов. Говард вернулся в коридор, сунулся в ванную. И сразу увидел палец, хотя такого просто быть не могло. Не могло, потому что от двери он не видел сливного отверстия: его заслоняла сама раковина. Но раз палец она не заслоняла, значит...

– Что это ты вытворяешь, мерзавец? – просипел Говард, и палец, который покачивался из стороны в сторону, словно ловил направление ветра, наклонился к нему. Как и ожидал Говард, на нем виднелась зубная паста. Палец согнулся, и Говард, присмотревшись, не поверил своим глазам: палец гнулся в *трех местах*. Такого точно не могло быть, никак не могло, поскольку третьим суставом любой палец крепился к кисти.

Он становится длиннее, осознал Говард. Не знаю, чем это вызвано и как происходит, но становится. Раз я вижу его от двери над кромкой раковины, значит, его длина как минимум три дюйма... может, и больше.

Говард мягко прикрыл дверь ванной, поплелся в гостиную. Ноги вновь перестали гнуться. В голове воцарилось смятение.

Он опустился в любимое кресло, закрыл глаза. Одиноким, растерянным, беспомощным. Долго сидел, тупо уставившись прямо перед собой, потом пальцы, вцепившиеся в подлокотники, ослабили хватку. Большую часть ночи Говард Милта пролежал без сна. И теперь сон сморил его, хотя удлинившийся палец все скреб и скреб по фаянсу раковины.

Ему снилось что он участвует в телевикторине «Риск», не новой, с большими выигрышами, а прежнего формата, выходившей в дневное время. Никаких тебе компьютеров, только таблички, которые поднимала одна из помощниц ведущего, когда участнику предлагалось ответить на какой-либо вопрос. Алекса Требека сменил Арт Флеминг с зализанными волосами и ханжеской улыбкой. Вместе с ним в телевикторине участвовала Милдред. Слуховой аппарат за ухом остался, но она сменила прическу (сделала начес а-ля Жаклин Кеннеди) и очки (тонкая металлическая оправка уступила место пластмассовым «кошачьим глазкам»).

Шоу стало черно-белым.

– Итак, Говард. – Арт указал на него длиннющим с фут пальцем. Прямо-таки не пальцем, а указкой. На ногте белела засохшая зубная паста. – Твоя очередь выбирать.

Говард повернулся к доске с названиями категорий.

– «Вредители и гады», сто долларов, Арт.

Помощница сняла квадрат с надписью «\$100», открыв вопрос, который зачитал Арт: «Лучший способ избавиться от пальцев, торчащих из сливного отверстия раковины в ванной».

– Это... – начал Говард и запнулся. Черно-белые зрители, собравшиеся в студии, молча смотрели на него. Черно-белый оператор накатил на него камеру, чтобы показать крупным планом его потное черно-белое лицо. – Это... э...

– Поторопись, Говард, твое время на исходе. – Арт Флеминг вновь ткнул своим удлинённым пальцем в Говарда, но тот словно оцепенел. Он не сможет ответить на вопрос, с его счета снимут сто долларов, он уйдет в минус, он проиграет, в качестве выигрыша ему не дадут даже паршивую энциклопедию...

На улице, у дома Говарда Милты, двигатель грузовичка дал обратную вспышку. Говард резко выпрямился, едва не вылетев из кресла.

– Это жидкий очиститель канализационных труб! – выкрикнул он. – Это жидкий очиститель канализационных труб!

Разумеется, он попал в точку. Нашел *правильный* ответ.

Говарда разобрал смех. Смеялся он и пять минут спустя, надевая пальто и открывая входную дверь.

Говард взял пластиковую бутылку, которую жующий зубочистку продавец только что поставил на прилавок «Хозяйственного магазина» на бульваре Куинз. На этикетке красовалась женщина в фартуке. Одной рукой она упиралась в свое бедро, второй выливали очиститель то ли в огромную раковину, то ли в биде. Назывался очиститель «КРОТ». В аннотации указывалось, что по эффективности он ВДВОЕ превосходит большинство лучших очистителей. «Прочищает трубы в течение НЕКОЛЬКИХ МИНУТ! Растворяет волосы и органические вещества!»

– Органические вещества, – повторил Говард. – И что это означает?

Продавец, лысый мужчина со множеством бородавок на лбу, пожал плечами. Перекатил зубочистку из одного угла рта в другой.

– Наверное, остатки пищи. Но я не ставил бы эту бутылку рядом с жидким мылом. Вы понимаете, о чем я?

– Он может проесть дыру в коже? – спросил Говард, надеясь, что в его голосе слышится ужас.

Продавец вновь пожал плечами:

– Полагаю, этот очиститель не столь активен, как те, что мы продавали раньше, с щелочом, но их сняли с продажи. Я, во всяком случае, так думаю. Но вы видите этот значок? – Коротким пальцем он постучал по черепу и костям с надписью «ЯД». Говард так и впился взглядом в этот палец. И по пути к «Хозяйственному магазину» он успел разглядеть множество пальцев.

– Да, – кивнул Говард. – Вижу.

– Так вот, его рисуют не потому, что он больно красив, вы понимаете. Если у вас есть дети, держите очиститель там, где они не смогут до него добраться. И не полощите им горло. – Продавец рассмеялся. Зубочистка так и подпрыгивала на его нижней губе.

– Не буду, – пообещал Говард. Повернул бутылку, прочитал текст, набранный мелким шрифтом. «Содержит едкий натр и гидрат окиси калия. При контакте вызывает сильные ожоги». Звучало неплохо. Он не знал, как получится на практике, но звучало неплохо. Но у него ведь была возможность проверить соответствие слова делу.

У внутреннего голоса, однако, оставались сомнения: *А если ты только разозлишь его, Говард? Что тогда?*

Ну... что тогда? Палец-то сидел в сливном отверстии, так?

Да... но он вроде бы начал расти.

Однако... разве у него был выбор? На это у внутреннего голоса аргументов не нашлось.

– Я его беру. – Говард полез за бумажником. И тут уголком глаза ухватил хозяйственный инструмент, который сразу заинтересовал его. Инструмент, лежащий на стойке под плакатиком «ОСЕННЯЯ РАСПРОДАЖА». – А это что такое? Вон там?

– Это? – переспросил продавец. – Электрические ножницы для подрезки кустов. Мы закупили два десятка в прошлом июне, но покупателям они не показались.

– Я возьму одни. – На губах Говарда Милты заиграла улыбка, продавец потом сказал полиции, что улыбка эта ему не понравилась. Совершенно не понравилась.

Вернувшись домой, Говард выложил покупки на кухонный столик. Коробку с электрическими ножницами отодвинул подальше, надеясь, что они ему не понадобятся. Безусловно, не понадобятся. Потом внимательно прочитал инструкцию к «КРОТу».

«Медленно вылейте 1/4 содержимого бутылки в сливное отверстие... не пользуйтесь им пятнадцать минут. При необходимости повторите процедуру».

Конечно же, повторять процедуру не придется... или придется?

Для того чтобы покончить с этим делом с первого раза, Говард решил вылить в сливное отверстие половину содержимого бутылки, а может, и чуть больше.

С крышкой пришлось повозиться, но в конце концов он ее снял. С суровым выражением лица, совсем как у солдата, ждущего приказа выпрыгивать из окопа и бежать в атаку, и с белой пластиковой бутылкой в руках прошествовал через гостиную в коридор.

Подожди! – вскричал внутренний голос, когда Говард потянулся к дверной ручке, и его рука дрогнула. *Это же безумие! Ты ЗНАЕШЬ, это безумие! Тебе не нужен очиститель канализационных труб, тебе нужен психиатр! Тебе надо лежать на кушетке и рассказывать кому-то, что тебе кажется... Именно так, все правильно, тебе КАЖЕТСЯ, что из сливного отверстия раковины в ванной торчит палец, не просто торчит, но еще и растет.*

– О нет. – Говард решительно покачал головой. – Никогда.

Он не мог... абсолютно не мог... представить себя рассказывающим эту историю психиатру... если уж на то пошло, любому человеку. А если об этом узнает мистер Лэтроп? А он мог узнать, через отца Ви. В фирме «Дин, Грин и Лэтроп» Билл Дихорн тридцать лет проработал бухгалтером. Он организовал Говарду собеседование с мистером Лэтропом, написал блестящую рекомендацию... сделал все, чтобы Говарда приняли на работу. Мистер Дихорн уже ушел на пенсию, но он и Джон Лэтроп частенько виделись. Если Ви узнает, что ее Гоуви ходит к психиатру (а как он мог скрыть от нее эти визиты?) она скажет матери... Ви рассказывала матери решительно обо всем. Миссис Дихорн, естественно, поделится с мужем. А мистер Дихорн...

Говард без труда нарисовал в уме соответствующую картинку: его тесть и босс сидят в кожаных креслах в каком-то таинственном клубе. Он буквально видел, как они пьют херес: хрустальный графин стоял на маленьком столике у правой руки мистера Лэтропа (Говард ни разу не видел, чтобы кто-то из них пил херес, но пути воображения неисповедимы). Он видел, как мистер Дихорн – до восьмидесяти ему оставалось совсем ничего, поэтому он уже не сообщал, кому и что можно говорить, – доверительно наклоняется к мистеру Лэтропу, чтобы сообщить: «Ты не поверишь, что придумал мой зять Говард, Джон. Он ходит к психиатру! Он думает, что из раковины в его ванной торчит палец. Как ты думаешь, может, это у него от каких-то наркотиков?»

Скорее всего Говард не думал, что такое может случиться. Просто не мог представить себя у психиатра. Некая часть его сознания, находящаяся по соседству с той, что не позволяла ему справлять малую нужду в общественном туалете, если позади стояла очередь, напрочь отвергала эту идею. Не мог он лечь на кушетку и сказать: «Из раковины в моей ванной торчит палец», чтобы потом какой-то бородатый мозгоправ затерзал его вопросами.

Он вновь потянулся к ручке.

Тогда вызови сантехника! – отчаянно выкрикнул внутренний голос. *Уж это ты можешь сделать! Тебе нет нужды говорить ему, что ты видишь! Просто скажи, что труба засорилась! Или скажи, что твоя жена уронила в сливное отверстие обручальное кольцо! Скажи ему ЧТО УГОДНО!*

Но пользы от этой идеи было не больше, чем от первой, насчет визита к мозгоправу. Дело происходило в Нью-Йорке, не в Де-Мойне. В Нью-Йорке можно уронить в сливное отверстие бриллиант «Надежда» и все равно ждать неделю, пока сантехник соблаговолит нанести тебе визит. И он не собирался следующие семь дней бродить по Куинз, выискивая бензозаправки, на которых за пять долларов ему позволят опорожнить кишечник в туалете для сотрудников.

Тогда делай все быстро, – сдался внутренний голос. *По крайней мере сделай все быстро.*

В этом внутренний голос и Говард пришли к согласию. Говард и сам понимал: если он не будет действовать быстро, то, по всей вероятности, не сможет довести дело до конца.

И захвати его врасплох, если сможешь. Сними туфли.

Говард подумал, что это весьма дельный совет. Тут же последовал ему. Подумал о том, что стоило бы надеть резиновые перчатки для предохранения от случайных брызг, задался вопросом, а нет ли их под кухонной раковиной. Но искать перчатки он не собирался. Он перешел Рубикон и, отправившись за перчатками, мог потерять присутствие духа... может, временно, может, навсегда.

Говард осторожно открыл дверь и проскользнул в ванную.

Ванная всегда была самым темным помещением в квартире, но в это время, около полудня, падающего в окно света все-таки хватало. Говард не мог пожаловаться на темноту... но пальца не увидел. Во всяком случае, от двери. На цыпочках он пересек ванную, держа бутылку с очистителем в правой руке. Наклонился над раковиной, заглянул в черную дыру в розовом фаянсе.

Только дыра не была черной. Сквозь черноту навстречу ему спешило что-то белое, спешило поприветствовать своего доброго друга Говарда Милту.

– Получай! – взревел Говард и перевернул бутылку «КРОТа» над раковиной. Зелено-вато-синяя густая жидкость вытекла из горлышка и полилась в сливное отверстие аккуратно в тот момент, когда из него показался палец.

Эффект был скор и ужасен. Жидкость покрыла ноготь и подушечку пальца. Палец задержался, закружился, как дервиш, в узком пространстве сливного отверстия, разбрасывая во все стороны капельки «КРОТа». Несколько попали на светло-синюю хлопчатобумажную рубашку Говарда и мгновенно прожгли в ней дыры. По краям дыры обуглились, но рубашка была ему велика, поэтому капельки не коснулись его груди и живота. Другие капельки упали на запястье и ладонь правой руки, но почувствовал их он гораздо позже. Уровень адреналина в его крови не просто поднялся – перекрыл все рекордные отметки.

Палец вылезал из сливного отверстия, фаланга за фалангой. Он дымился, воняло от него, как от резинового сапога, случайно брошенного в костер.

– *Получай! Кушать подано, мерзавец!* – орал Говард, выливая в раковину все новые порции очистителя канализационных труб. Палец поднялся уже на фут, совсем как кобра, вылезшая из корзины под дудку заклинателя змей. Он почти дотянулся до горлышка бутылки, а потом вдруг задрожал и внезапно начал уползать в сливное отверстие. Говард наклонился над раковиной и лишь в самой глубине различил что-то белое. Над сливным отверстием закурился легкий дымок.

Он глубоко вдохнул – а вот этого делать не следовало. Потому что он набрал полные легкие паров «КРОТа». К горлу мгновенно подкатила тошнота. Его тут же вывернуло в раковину, но спазмы не утихали.

Пошатываясь, он выпрямился.

– Я ему врезал! – выкрикнул он. Голова кружилась от едких химических паров и запаха обожженной плоти, но душа Говарда пела. Он схлестнулся с врагом и, видит Бог, взял верх. Победа осталась за ним.

– Ура! Ура! Я победил! Я...

Но приступ рвоты прервал его восторженный монолог. Он согнулся над унитазом, крепко держа в правой руке бутылку с остатками очистителя, и слишком поздно понял, что в это утро Ви, покидая трон, прикрыла сиденье крышкой. Его вырвало на ворсистую розовую крышку унитаза, а потом, потеряв сознание, он плюхнулся лицом в собственную блевотину.

Обморок продолжался недолго, потому что даже летом солнечные лучи освещали ванную максимум полчаса, а потом соседние дома отсекали солнце и ванная погружалась в привычный полумрак.

Говард медленно поднял голову, осознав, что все лицо, от лба до подбородка, покрыто чем-то липким и вонючим. Он также услышал какое-то постукивание. И это постукивание приближалось.

Говард осторожно повернул гудящую голову налево. Глаза его широко раскрылись. Он набрал полную грудь воздуха, попытался закричать, но голосовые связки словно парализовало.

Палец подбирался к нему.

Теперь он вытянулся на семь футов и продолжал удлиняться. Из раковины он выходил по крутой дуге, состоящей из десятка фаланг, спускался на пол, изгибался вновь, в перпендикулярной плоскости, и теперь продвигался к нему по плиткам пола. Последние восемь или девять дюймов обесцветились и дымились. Ноготь стал зеленовато-черным. Говард подумал, что видит белую кость чуть пониже первого сустава. В этом месте очиститель, похоже, начисто съел и кожу, и мясо.

– Убирайся, – прошептал Говард, и на мгновение эта чудовищная «сороконожка» замерла. А потом поползла прямо на него. Последние полдюжины суставов разогнулись и кончик пальца обвился вокруг лодыжки Говарда Милты.

– Нет!!! – выкрикнул он, когда две дымящиеся сестрички-гидроокиси, натрия и калия, прожгли нейлоновый носок и принялись за кожу. Он изо всей силы дернул ногой. Несколько мгновений палец держал ногу, силы хватало и ему, потом Говарду удалось вырваться. И он пополз к двери. Облеванные волосы падали на глаза. Обернувшись через плечо, он ничего не увидел: волосы слиплись, превратившись в непроницаемый козырек. Зато прошел паралич голосовых связок, и ванную огласили лающие, испуганные вопли.

Он не видел палец, во всяком случае, временно, но мог его слышать, и теперь, постукивая ногтем по плиткам пола, палец преследовал его. Говард все пытался разглядеть своего врага, а потому угодил плечом в стену слева от двери. С полки вновь посыпались полотенца. Говард замер и палец тут же ухватил его за вторую лодыжку, прожег носок, кожу и потянул, буквально потянул к раковине.

Дикий рев исторгся из груди Говарда, никогда ранее голосовые связки вежливого нью-йоркского бухгалтера не издавали подобных звуков. Он ухватился руками за дверной косяк и рванулся, что было сил. Разорвал рубашку в правой подмышке, но вырвался, оставив пальцу лишь нижнюю половину носка.

С трудом поднялся, повернулся и увидел, что палец вновь приближается к нему. Ноготь треснул и кровоточил.

Тебе необходим маникюр, приятель, подумал Говард и нервно хохотнул. А потом бросился на кухню.

Кто-то барабанил в дверь. Кулаками.

– Милта! Эй, Милта! Что ты там делаешь?

Фини, сосед. Шумливый здоровяк-ирландец. Пьяница. Поправка: любопытный пьяница.

– Ничего такого, с чем я не справлюсь сам, ирландский деревенщина, – с кухни прокричал в ответ Говард. Вновь хохотнул и откинул со лба волосы. Но под тяжестью блевотины они тут же заняли прежнее положение. – Ничего такого, с чем я не справлюсь, можешь мне поверить! Так что проваливай, тебе здесь ничего не обломится.

– Что ты сказал? – в грубом голосе появились злобные нотки.

– Заткнись! Я занят!

– Если твои вопли не прекратятся, я вызову копов!

И тут Говард матерно выругался. Впервые в жизни. Опять отбросил со лба волосы, но они тут же упали обратно.

– Ты мне за это ответишь, паршивый четырехглазик!

Говард обеими пятернями прошелся по волосам и стряхнул с них блевотину, которая полетела во все стороны, пятная белые кухонные полки Ви. Говард ничего не замечал. Отвратительный палец приложился к обеим его лодыжкам и теперь их жгло, как огнем. Но Говарда занимало другое. Он схватил коробку с электрическими ножницами. Ее украшала наклейка с улыбающимся дедком, который радостно подстригал кусты перед особняком.

– У тебя там пьянка? – осведомился Фини из-за двери.

– Тебе бы лучше убраться отсюда, Фини, а не то я познакомлю тебя со своим приятелем! – проорал Говард. Идея эта показалась ему чрезвычайно остроумной. Он откинул голову и расхохотался, глядя в потолок. Волосы его стояли дыбом.

– Ладно, ты сам этого хотел, – послышалось из-за двери. – Сам. Я звоню копам.

Говард его не слышал. Деннис Фини подождет, сейчас у него другое дело. Неотложное. Он вытащил ножницы из коробки, торопливо осмотрел их, нашел паз, в который вставляются батарейки, снял крышку.

– Батарейки, – пробормотал он сквозь смех. – Круглые батарейки! Хорошо! Отлично! Нет проблем!

Он вытащил ящик стола слева от раковины, дернул его с такой силой, что сорвал ограничитель. Ящик полетел через всю кухню, ударился о плиту и шлепнулся на линолеум. Среди всякой ерунды в ящике лежали и батарейки, главным образом круглые и несколько квадратных. Все еще смеясь, ну никак он не мог остановиться, Говард упал на колени и начал рыться в ящике. Умудрился порезать правую ладонь о нож, прежде чем выхватил из ящика две круглые батарейки, но не обратил на боль никакого внимания. Теперь, после того как Фини перестал разевать свой большой рот, он вновь слышал палец. Ноготь постукивал по полу, то ли в ванной, а может, уже и в коридоре. Он же забыл закрыть дверь в ванную.

– Ну и что? – спросил Говард и вдруг перешел на крик: – НУ И ЧТО, Я СКАЗАЛ! Я ГОТОВ К ВСТРЕЧЕ С ТОБОЙ, ПРИЯТЕЛЬ! Я ИДУ, ЧТОБЫ ВРЕЗАТЬ ТЕБЕ ПО ЗАДНИЦЕ! СЕЙЧАС ТЫ ПОЖАЛЕЕШЬ О ТОМ, ЧТО НЕ ОСТАЛСЯ В РАКОВИНЕ!

Он вогнал батарейки в паз, включил ножницы. Никакого эффекта.

– Чтоб я сдох! – пробормотал Говард. Вытащил одну батарейку, вставил вновь, поменяв полярность. На этот раз ножницы ожили, лезвия стали быстро-быстро сходиться и расходиться.

Говард уже двинулся к двери, но заставил себя выключить ножницы и вернуться к столу. Он не хотел тратить время на то, чтобы поставить на место крышку паза для батареек, ему не терпелось ввязаться в схватку, но остатки здравого смысла, все еще теплящиеся у него в мозгу, убедили Говарда, что иначе нельзя. Если рука соскользнет с рукоятки в самый критический момент и батарейка выскочит из открытого паза, что он тогда будет делать? С разряженным оружием в бой не идут.

Поэтому он попытался поставить крышку на место, выругался, потому что вставать она никак не хотела, развернул крышку, и все у него получилось.

– Наша встреча близка! – крикнул он. – Я иду! Мы еще не свели счета!

С ножницами в руках Говард быстрым шагом пересек гостиную. Слипшиеся волосы по-прежнему торчали во все стороны. Рубашка, порванная, прожженная в нескольких местах, трепыхалась вокруг круглого животика. Голые пятки шлепали по линолеуму. Остатки нейлоновых носков обрывались у лодыжек.

– Я их вызвал, недоносок! – крикнул из-за двери Фини. – Понял меня? Я вызвал копов, и надеюсь, что приедут такие же ирландские деревенщины, как я!

– Заткни хлебало! – отозвался Говард, не обращая особого внимания на Фини. Деннис Фини находился в другой вселенной, и, если бы не субпространственная связь, он бы вовсе не услышал голоса соседа.

Говард встал сбоку от двери в ванную, словно коп в одном из телевизионных сериалов... только помощник режиссера, ответственный за реквизит, ошибся и в руки ему вместо револьвера сунули ножницы для стрижки кустов. Большой палец правой руки лег на пусковую кнопку. Говард глубоко вдохнул... и внутренний голос, совсем тихий, проваливающийся в небытие, попытался последний раз воззвать к здравому смыслу.

Ты уверен, что готов доверить свою жизнь паре ножниц, купленных на распродаже?

– У меня нет выбора, – пробормотал Говард, натянуто улыбнулся и ворвался в ванную.

Палец он нашел на прежнем месте, изогнутым по крутой дуге. Фалангами на свободном торце он обхватил туфлю Говарда и колотил ею о плитки пола. По состоянию полотенец, разбросанных по всей ванной, Говард догадался, что палец попытался убить несколько из них, прежде чем нашел туфлю.

Волна безумной радости захлестнула Говарда, он почувствовал, как в голове вспыхнуло зеленое солнце.

– Вот он я, недоумок! – заорал он. – Иди ко мне!

Палец бросил туфлю, поднялся, хрустя суставами и по воздуху поплыл в его сторону. Говард включил ножницы и они хищно загудели. Пока что все, как и задумывалось.

Обожженный кончик пальца с разломанным ногтем качался перед ним. Говард бросился на него. Палец ушел в сторону и обвил его левое ухо. Боль едва не свела Говарда с ума. Он чувствовал, как палец отрывает ухо от головы. Но ухватил его левой рукой, а правой поднес к нему ножницы. Мотор взвыл, когда лезвия добрались до кости, но ножницы предназначались для того, чтобы перерубать тонкие ветки, так что проблем не возникло. Брызнула кровь, обрубок отпрянул. Говард устремился за ним, а десять отрезанных от пальца дюймов сползли с его уха на пол.

Палец попытался ударить его в глаз, но Говард присел и палец прошел над головой. Естественно, глаз-то у него не было. А с ухом палец просто повезло. Говард вновь выставил вперед ножницы и отхватил у пальца еще два фута. Они упали на пол, продолжая подергиваться.

Палец попытался ретироваться.

– Нет уж! – выдохнул Говард. – Врешь, не уйдешь!

Он метнулся к раковине, поскользнулся на луже крови, чуть не упал, чудом сохранив равновесие. Палец уползал в дренажное отверстие, фаланга за фалангой, как товарный поезд – в тоннель. Говард схватил его, попытался удержать, но не смог: палец выскальзывал из пальцев, как хорошо смазанная кишка. Но ему удалось отхватить у пальца последние три фута.

Он наклонился над раковиной, на этот раз стараясь не дышать, и заглянул в черноту сливного отверстия. Вновь заметил уходящее все глубже белое пятно.

– Возвращайся, когда захочешь! – прокричал в сливное отверстие Говард Милта. – В любое удобное для тебя время! Я буду тебя ждать, не отходя от кассы!

Он отвернулся от раковины, шумно вдохнул. В ванной по-прежнему воняло очистителем канализационных труб. Нюхать эту гадость не хотелось, тем более что у него еще оставались дела. На раковине лежал кусок мыла. Говард взял его и бросил в окно. Зазвенело разбитое

стекло, мыло попало в один из прутьев решетки. Говард помнил, как ставил решетку. Помнил, как гордился трудами своих рук. Он, ГОВАРД МИЛТА, бухгалтер, привыкший работать с цифрами, ЗАБОТИЛСЯ О СВОЕМ ГНЕЗДЫШКЕ. Теперь он знал, что это такое – ЗАБОТИТЬСЯ О СВОЕМ ГНЕЗДЫШКЕ. Было время, когда он боялся войти в ванную, думая, что там сидит мышь и ему придется убить ее щеткой. Он это признавал, да только время это осталось в далеком прошлом.

Говард оглядел ванную. Зрелище не для слабонервных. Лужи крови, на полу два куса пальца. Еще один свисал с раковины. Кровь на стенах, кровь на зеркале. Раковина тоже в крови.

– Ладно, – вздохнул Говард. – Пора наводить чистоту, мальчики и девочки. – Он вновь включил ножницы и принялся рубить палец на маленькие сегменты, чтобы потом спустить их в унитаз.

Полицейский, молодой ирландец по фамилии О'Баннион, с решительным видом подошел к запертой двери квартиры Милты. Там уже собрались соседи. На их лицах отражалась тревога, лишь у Денниса Фини яростно поблескивали глаза.

О'Баннион постучал в дверь пальцем, потом ладонью, наконец, забарабанил по ней кулаком.

– Вам бы лучше ее сломать, – заметила миссис Джавьер. – Я слышала его крики с седьмого этажа.

– Он сошел с ума, – добавил Фини. – Наверное, убил жену.

– Нет, – покачала головой миссис Дэттлбаум. – Я видела, что утром, она, как обычно, ушла на работу.

– Разве она не могла вернуться домой? – спросил мистер Фини, и миссис Дэттлбаум заткнулась.

– Мистер Миллер? – позвал О'Баннион.

– Его фамилия Милта, – поправил копа Фини.

– О черт! – вырвалось у О'Банниона, и он поддал дверь плечом. Дверь распахнулась, коп вошел, за ним последовал мистер Фини. – Выйдите из квартиры, сэр, – попытался остановить его О'Баннион.

– Черта с два. – Фини, проскочив в гостиную, с любопытством оглядывал кухню, вываленное на пол содержимое ящика, следы блевотины на обычно сияющей чистотой мебели. Его маленькие глазки возбужденно горели. – Он – мой сосед. И в конце концов вызвал вас я.

– Кто кого вызывал, мне без разницы. – В голосе копа появились железные нотки. – Если вы не выйдете отсюда, то отправитесь в участок вместе с этим Миллером.

– Его фамилия – Милта, – вновь поправил копа Фини и, с тоской бросив последний взгляд на кухню, ретировался за дверь.

О'Баннион выгнал Фини из квартиры главным образом потому, что не хотел, чтобы тот видел, как он нервничает. Разгром на кухне – это одно. Но в квартире пахло какой-то химической дрянью и чем-то еще. И О'Баннион очень опасался, что это «еще что-то» – кровь.

Он оглянулся, убедился, что Фини вышел в коридор, а не трется в маленькой прихожей среди пальто, и осторожно пересек гостиную. Убедившись, что от входной двери его не видно, расстегнул кобуру и достал револьвер. Зашел в кухню, проверил, что там никого нет. На мебели, судя по запаху, вроде бы блевотина, на полу всякий хлам, но никого нет.

За спиной послышались какие-то шаркающие звуки. О'Баннион резко повернулся, выставив перед собой револьвер.

– Мистер Милта?

Ответа не последовало, но шаркающий звук повторился. И доносился он из маленького коридорчика. То есть из спальни или ванной. Патрульный О'Баннион двинулся в указанном

направлении с револьвером в руке, правда, нацелив его в потолок. Очень он напоминал Милту, подкрадывающегося к двери ванной с ножницами.

Глядя на приоткрытую дверь ванной, О'Баннион уже понимал, что источник звука находится за ней. Оттуда же шла и волна запахов. Он присел, толкнул дверь мушкой револьвера.

– Святой Боже, – выдохнул он.

Ванная напоминала бойню в разгар рабочего дня. Кровь на стенах и даже на потолке. Лужи крови на полу. Кровь в раковине. Он видел разбитое окно, бутылку, как ему показалось, из-под очистителя канализационных труб (отсюда и этот ужасный запах), пару мужских туфель, одну словно долго жевали.

А когда дверь раскрылась шире, он увидел и мужчину.

Порубив палец на мелкие кусочки и спустив их в унитаз, Говард Милта забился в узкий зазор между ванной и стеной. На коленях у него лежали электрические ножницы для стрижки кустов, но батарейки сели: рубка костей потребовала больших затрат электроэнергии. Его волосы торчали в разные стороны. На щеках и лбу запеклась кровь. А широко раскрытые глаза зияли пустотой. Такие глаза патрульный О'Баннион видел только у наркоманов и безумцев.

Господи Иисусе, подумал он. А ведь тот парень прав. Милта убил жену. Во всяком случае, кого-то убил. Но где тело?

Он заглянул в ванну. Пуста. Вроде бы самое подходящее место для трупа, однако единственное, не испачканное кровью.

– Мистер Милта? – спросил О'Баннион. Он еще не целился в Говарда, но ствол револьвера уже не смотрел в потолок.

– Да, это я, – вежливо, доброжелательно ответил Говард. – Говард Милта, дипломированный бухгалтер, к вашим услугам. Вы хотите облегчиться? Валяйте. Вам никто не помешает. Я думаю, с этой проблемой я справился. Во всяком случае, на какое-то время.

– Вы не хотели бы избавиться от оружия, сэр?

– Оружия? – Говард недоуменно уставился на него, потом вроде бы понял. – Вы про это? – Он приподнял ножницы, и револьвер О'Банниона впервые нацелился на него.

– Да, сэр.

– Почему нет. – Говард небрежно бросил ножницы в ванну. Отскочила крышка, закрывающая паз для батареек. – Не важно. Батарейки все равно сели. Но... что это я вам сказал? Предложил облегчиться? Знаете, пожалуй, этого делать не стоит.

– Вы так считаете? – Теперь, когда мужчина так легко разоружился, О'Баннион не знал, что делать дальше. Ситуация значительно упростилась бы, если б труп лежал в ванне. А так оставалось только надеть на Милту наручники и звать подмогу. *Не самый худший вариант*, подумал О'Баннион. Очень уж ему хотелось выбраться из этой вонючей ванной.

– Да, – кивнул Говард. – Подумайте сами, на руке пять пальцев... только на одной руке, понимаете... и сколько отверстий связывают обычную ванную с подземным миром? С учетом труб подачи воды? Я насчитал семь. – Он помолчал, потом добавил: – Семь – простое число. Делится только на себя и на единицу.

– Вас не затруднит поднять и протянуть ко мне руки, сэр? – спросил О'Баннион, снимая с ремня наручники.

– Ви говорит, что я знаю все ответы, но Ви ошибается. – Говард медленно поднял руки, вытянул их перед собой.

О'Баннион присел, защелкнул наручник на правом запястье.

– Кто такая Ви?

– Моя жена. – Пустые глаза Говарда не отрывались от лица О'Банниона. – Она могла справлять нужду, когда кто-то находился в ванной. Она не обращала на это ровно никакого внимания.

В голове О'Банниона начала формироваться жуткая идея: этот маленький человечек убил жену ножницами для стрижки кустов, а потом каким-то образом избавился от тела с помощью очистителя канализационных труб... и все потому, что она не желала уходить из ванной, когда у него вдруг возникало желание облегчиться.

Он защелкнул второй наручник.

– Вы убили жену, мистер Милта?

На мгновение на лице Говарда отразилось изумление. А потом оно вновь превратилось в бесстрастную маску.

– Нет. Ви у доктора Стоуна. Он обтачивает зубы под протезирование верхней челюсти. Ви говорит, что это грязная работа, но кто-то должен ее делать. Зачем мне убивать Ви?

Теперь, когда запястья Милты стягивали наручники, О'Баннион чувствовал себя гораздо увереннее.

– Но у меня складывается впечатление, что вы кого-то замочили.

– Всего лишь палец. – Говард не опускал руки. – Но на руке не один палец. И чья это рука? – В ванной давно уже воцарился полумрак. – Я предложил ему вернуться, вернуться, когда он того пожелает, – прошептал Говард, – но у меня была истерика. Я решил, что я смогу... смогу. Теперь понимаю, что нет. Он растет, знаете ли. Растет, когда вылезает наружу.

Что-то плескануло под закрытой крышкой унитаза. Взгляд Говарда метнулся в ту сторону. Как и взгляд О'Банниона. Плеск повторился. Казалось, в унитазе бьется форель.

– Нет, я бы определенно не стал пользоваться этим унитазом. На вашем месте я бы потерпел. Терпел бы сколько мог, а потом отлил бы в проулке за домом.

По телу О'Банниона пробежала дрожь.

Возьми себя в руки, парень, строго сказал он себе. *Возьми себя в руки, а не то станешь таким же, как этот чокнутый.*

Он поднялся, чтобы откинуть крышку.

– Не надо этого делать, – услышал он голос Говарда. – Ой не надо.

– А что здесь произошло, мистер Милта? – спросил О'Баннион. – Что вы положили в унитаз?

– Что произошло? Это... это... – внезапно лицо Говарда осветила улыбка. Улыбка облегчения... его взгляд то и дело возвращался к унитазу. – Это как «Риск». Телевикторина. Очень похоже на финальную стадию. Категория «Необъяснимое». Правильный ответ: «Потому что случается». А вы знаете, каким был вопрос финальной стадии?

Не в силах оторвать взгляда от лица Говарда, патрульный О'Баннион покачал головой.

– Вопрос финальной стадии, – Говард возвысил голос: – «Почему с самыми хорошими людьми случается что-то ужасное»? Такой вот вопрос. Над ним надо крепко подумать. Но время у меня есть. При условии, что буду держаться подальше... от дыр.

В унитазе вновь плескануло. На этот раз сильнее. Облеванье сиденье и крышка подскочили и вернулись на прежнее место. Патрульный О'Баннион подошел к унитазу, наклонился. Говард с некоторым интересом наблюдал за копом.

– Финальная стадия «Риска». Сколько бы вы хотели поставить? – спросил Говард Милта.

О'Баннион на мгновение задумался над вопросом... затем схватился за сиденье и сорвал его.

Кроссовки

7

Джон Телл отработал в «Табори студиоз» уже больше месяца, когда в первый раз заметил кроссовки. Студия располагалась в здании, которое в свое время называлось Мюзик-Сити. В ранние дни рок-н-рола здание это почитали за музыкальную Мекку. Тогда в кроссовках в вестибюль мог войти разве что мальчишка-курьер. Но те славные денечки канули в Лету вместе с продюсерами-миллионерами, которые отдавали предпочтение остроносым туфлям из змеиной кожи и рубашкам с жабо. Нынче кроссовки стали элементом униформы Мюзик-Сити, и, увидев их, Телл не подумал об их владельце ничего плохого. Если осудил, то только в одном: парень мог бы приобрести новую пару. Потому что белыми они были при покупке, а купили их ну очень давно.

Мысли эти возникли у него, когда он увидел кроссовки в маленькой комнатке, где о своем ближнем можно судить только по обуви, потому что ничего другого не видно. Кроссовки виднелись под дверцей первой кабинки в мужском туалете на третьем этаже. Телл миновал их, направляясь к третьей кабинке, последней в ряду. Несколько минут спустя он покинул кабинку, вымыл и высушил руки, причесался и вернулся в Студию F, где помогал микшировать альбом металлической группы «Дед битс». Сказать, что Телл уже забыл про кроссовки, было бы преувеличением, потому что его память с самого начала не зарегистрировала их.

Звукозаписывающую сессию «Дед битс» продюсировал Пол Дженнингс. Конечно же, он не мог встать в один ряд со знаменитыми бибоповскими королями Мюзик-Сити (Телл полагал, что нынешней музыке не хватало энергетики, чтобы создавать таких гигантов), но в узких кругах его хорошо знали, и, по мнению Телла, он был лучшим из действующих продюсеров рок-н-рольных пластинок. Сравнить с ним Телл мог разве что Джонни Йовайна.

Впервые Телл увидел Дженнингса на банкете после премьеры одного фильма-концерта. Узнал его с первого взгляда, хотя волосы Дженнингса поседели и резкие черты лица заострились еще больше. Но он оставался тем же легендарным Дженнингсом, который пятнадцать лет назад организовывал Токийские сессии с Бобом Диланом, Эриком Клэптоном, Джоном Ленноном и Элом Купером. Помимо Фила Стектора, Дженнингс был единственным продюсером, которого Телл мог узнать не только в лицо, но и по звучанию его записей: чистейшие верхние частоты и ударные, бухающие так, что заставляли содрогаться.

Восхищение мэтром не без труда, но сокрушило врожденную скромность Телла, и он через весь зал направился к Дженнингсу, который – вот повезло! – стоял один и в этот момент ни с кем не разговаривал. Телл рассчитывал на короткое рукопожатие и несколько ничего не значащих фраз, но вместо этого завязалась долгая и интересная дискуссия. Они занимались одним делом, у них сразу нашлись общие знакомые, но Телл, конечно же, понимал, что не это главное. Просто Пол Дженнингс принадлежал к тем редким людям, в обществе которых к Теллу возвращался дар речи, а приятная беседа завораживала Джона Телла почище магии.

Когда разговор близился к завершению, Дженнингс поинтересовался у Телла, не ищет ли тот работу.

– А кто в нашем бизнесе ее не ищет? – улыбнулся Телл.

Дженнингс рассмеялся и спросил номер его телефона. Телл продиктовал номер, не придав этой просьбе никакого значения, полагая, что Дженнингс спрашивал из вежливости. Но через три дня Дженнингс позвонил, чтобы узнать, не хочет ли Телл войти в команду из трех человек, которая займется микшированием первого альбома «Дед битс». «Я, конечно, не знаю, можно ли сделать лайковый кошелек из свиного уха, – отметил Дженнингс, – но, раз «Атлантик

рекордс» оплачивает счета, почему бы не попробовать?» Джон Телл тоже не находил причин для отказа и на следующий день подписал контракт.

Через неделю или дней десять после первой встречи с кроссовками Телл увидел их вновь. Он отметил лишь факт: тот же парень сидел в той же, первой по счету, кабинке в мужском туалете на третьем этаже, потому что насчет кроссовок у Телла никаких сомнений не было: белые (когда-то), высокие, с грязью, набившейся в трещины. Он обратил внимание на пропущенную при шнуровке дырочку и подумал: «Негоже шнуровать кроссовки с завязанными глазами, приятель». А потом прошел дальше, к третьей кабинке, которую считал своей. На этот раз он глянул на кроссовки и на обратном пути. И увидел нечто очень странное: дохлую муху. Она лежала на закругленном мыске левой кроссовки, той самой, с пропущенной дырочкой, вскинув вверх лапки.

Когда Телл вернулся в Студию F, Дженнингс сидел за пультом, обхватив голову руками.

– Ты в порядке, Пол?

– Нет.

– А что не так?

– Все. Я не так. Моя карьера закончена. Я иссяк. Сгорел дотла. Кина не будет.

– Что ты такое говоришь? – Телл огляделся в поисках Джорджи Ронклера, но того как ветром сдуло. Телла сие не удивило. Дженнингс периодически впадал в депрессию, а Джорджи по малейшим нюансам улавливал приближение очередного приступа. И заявлял, что его карма не позволяет ему находиться рядом с источником сильных эмоций, все равно каких, положительных или отрицательных. «Я плачу на открытии супермаркетов», – признавался Джорджи.

– Невозможно сделать лайковый кошелек из свиного уха. – Дженнингс махнул рукой в сторону стеклянной перегородки между комнатой для микширования и студией. Жест этот очень уж походил на нацистское приветствие «Хайль Гитлер». – Во всяком случае, из уха этих свиней.

– Расслабься, – с деланой веселостью воскликнул Телл, в душе полностью соглашаясь с Дженнингсом. Группа «Дед битс», состоявшая из четырех тупых кретинов и одной тупой сучки, не доставляла удовольствия в общении и доказала свою абсолютную профнепригодность.

– Ладно, расслабимся оба, – ответил Дженнингс и бросил ему косячок. – Раскуривай.

– Господи, как я не люблю отрываться от работы, – изрек Телл.

Дженнингс вскинул голову, рассмеялся. Секундой позже они смеялись оба. А пять минут спустя уже занимались делом.

Через неделю они закончили микширование. Телл попросил у Дженнингса рекомендательное письмо и пленку с записью.

– Хорошо, но до выхода альбома слышать ее можешь только ты, – предупредил Дженнингс.

– Я знаю.

– Я только представить себе не могу, что у тебя может возникнуть такое желание. В сравнении с ними «Батхоул сурферс» – чистые «Битлы».

– Перестань, Пол, не так они и плохи. И в любом случае мы уже отмучались.

Дженнингс улыбнулся:

– Это точно. Вот тебе и рекомендация, и пленка. Если мне обломится какая-нибудь работенка, я тебе позвоню.

– Буду ждать.

Они пожали друг другу руки, и Телл вышел из здания, которое когда-то называлось Мюзик-Сити, не вспомнив о кроссовках под дверью первой кабинки в мужском туалете на третьем этаже.

Дженнингс, проработавший в музыкальном бизнесе двадцать пять лет, как-то сказал ему: «Когда дело касается микширования бопы (он никогда не говорил рок-н-ролл – только боп), ты или дерьмо, или супермен». Два месяца, последовавшие за сессией «Битс», Джон Телл был дерьмом. Он не работал. И начал беспокоиться из-за арендной платы за квартиру. Дважды он сам едва не позвонил Дженнингсу, но внутренний голос убедил его, что такой звонок – ошибка.

И тут микшер фильма «Мастера карате» внезапно умер от обширного инфаркта, и Телл шесть недель проработал в Брилл-Билдинг, завершая начатую работу. Живой музыки не было, только записи, уже ставшие общественным достоянием, в основном треньканье ситаров, но об арендной плате он мог не беспокоиться. А в первый свободный день, едва он вошел в квартиру, раздался телефонный звонок. Пол Дженнингс интересовался, не заглядывал ли он в последний номер «Биллборда». Телл ответил, что нет.

– Они поднялись на семьдесят девятую позицию. – В голосе Дженнингса слышалось и отвращение, и удивление. – С этой песней.

– Какой? – Ответ он знал до того, как слово сорвалось с языка.

– «Прыжок в грязь».

Собственно, это была единственная песня альбома, которая, по мнению и Дженнингса, и Телла, тянула на сингл.

– Дерьмо!

– В принципе да, но мне представляется, что она попадет в десятку. Ты видел видео?

– Нет.

– Клип удался. Особенно хороша Джинджер, их девчушка, милующаяся в каком-то грязном ручье с парнем, который выглядит как Дональд Трамп в комбинезоне. Мои интеллектуальные друзья говорят, что клип вызывает у них «мультикультурные ассоциации». – И Дженнингс так громко заржал, что Теллу пришлось отнести трубку от уха на пару дюймов.

Отсмеявшись, Дженнингс продолжил:

– Вполне возможно, что и весь альбом войдет в десятку. Платиновое собачье дерьмо, конечно же, останется собачьим дерьмом, а вот упоминание твоей фамилии в связи с платиновым альбомом – это уже чистая платина. Ты понимаешь, о чем я, а?

– Разумеется, понимаю. – Телл выдвинул ящик стола, чтобы убедиться, что кассета «Дед битс», полученная от Дженнингса в последний день микширования и ни разу не прослушанная, лежит на месте.

– А что ты сейчас поделяваешь? – спросил Дженнингс.

– Ищу работу.

– Хочешь снова поработать со мной? Я делаю альбом Роджера Долтри. Начинаем через две недели.

– Господи, конечно!

Он знал, что деньги предложит неплохие, но главное заключалось в другом: после альбома «Дед битс» и шести недель с «Мастерами карате» работа с бывшим ведущим певцом группы «Ху» воспринималась как награда за доблестный труд. Какими бы ни были особенности характера Долтри, петь он умел. Опять же работать с Дженнингсом – одно удовольствие.

– Где?

– В том же месте. «Табори» в Мюзик-Сити.

– Рассчитывай на меня.

Роджер Долтри не только умел петь, но и в общении оказался очень приятным человеком. И Телл подумал, что в ближайшие три или четыре недели у него не будет повода для жалоб. Работа у него есть, его фамилия красуется на альбоме, который в чартах «Биллборда» занимает сорок первую позицию (сингл уже поднялся на семнадцатую), поэтому, пожалуй, впервые за

четыре года, проведенные в Нью-Йорке после приезда из Пенсильвании, его совершенно не волновала арендная плата за квартиру.

Наступил июнь, деревья оделись в зеленый наряд, девушки, наоборот, разоблачились, перейдя на миниюбки, так что мир казался Теллу вполне пристойным местом. В таком прекрасном настроении он и пребывал в первый день работы у Пола Дженнингса, пока без четверти два не вошел в мужской туалет на третьем этаже. Увидел под дверью первой кабинки все те же когда-то белые кроссовки, и от распирающей его радости не осталось и следа.

Это другие кроссовки. Не могут они быть теми же.

Но ведь были. Он узнал не только пропущенную при шнуровке дырочку, но и остальное. Совпадало все, вплоть до местоположения кроссовок. Отличие Телл обнаружил только одно: вокруг прибавилось дохлых мух.

Он медленно прошел в третью кабинку, «его» кабинку, спустил брюки, сел. И не особо удивился, осознав, что раздумал сделать то, за чем пришел. Однако какое-то время посидел, прислушиваясь к звукам. Шуршанию газеты. Кашлю. Черт, хоть бы кто пернул.

В туалете царил тишина.

Все потому, что я здесь один, думал Телл. За исключением, разумеется, мертвого парня в первой кабинке.

Дверь в туалет с грохотом распахнулась. Телл чуть не вскрикнул. Кто-то подскочил к писсуарам, тут же послышался звук бьющей в фаянс струи. Телл понял что к чему и сразу расслабился. Все нормально, человеку не терпелось справить нужду. Он взглянул на часы. Час сорок семь.

«Человек, который все делает по часам, – счастливчик», – бывало, говорил его отец. Вообще многословием он не отличался, и эта фраза (вместе со «Сначала очищай руки от грязи, потом – тарелку от еды») относилась к его считанным афоризмам. Если регулярность в отправлении естественных потребностей означала счастье, то Телл мог считать себя счастливчиком. Необходимость посетить туалет всегда возникала у него в одно и то же время, вот он и предположил, что у парня в кроссовках организм устроен аналогичным образом, только парень этот благоволил к кабинке номер один, точно так же, как он проникся к кабинке номер три.

Если бы тебе приходилось идти к писсуарам мимо кабинок, ты бы видел, что первая кабинка или пуста, или из-под дверцы торчит совсем другая пара обуви. В конце концов, сколь велики шансы на то, что тело в кабинке мужского туалета не смогли обнаружить за...

Телл прикинул, когда он в последний раз появлялся в Мюзик-Сити.

...четыре месяца, плюс-минус неделя?

И решил, что шансы эти равны нулю. Он мог поверить, что уборщики без должного усердия чистили кабинки, отсюда и дохлые мухи на полу, но уж туалетную бумагу они меняли раз в несколько дней, так? Даже если забыть про бумагу, мертвецы через какое-то время начинали вонять. Видит Бог, туалет – не благоухающий розами сад; к примеру, после визита толстяка, который работал в расположенной на этом же этаже студии «Янус мюзик», в него просто невозможно зайти, но вонь разлагающегося трупа куда сильнее. И противнее.

Противная вонь. Мерзкая. А с чего ты это взял? Ты же ни разу в жизни не видел разлагающегося трупа. И понятия не имеешь, как он пахнет.

Все так, но почему-то Телл не сомневался в том, что узнает запах трупа, как только унюхает его. Логика – это логика, а регулярность – это регулярность, и от этого никуда не денешься. Парень, наверное, работает в «Янусе» или «Снэппи кардс», которые находились по другую сторону коридора. Вполне возможно, что сейчас он сочиняет стишки для поздравительной открытки:

Роза красною бывает, а фиалка голубой, Ты подумала, я умер – я живой, господь с тобой. И открытку посылаю, и всего тебе желаю, и ответа жду.

И все дела, подумал Телл, и с его губ сорвался нервный смешок. А тот мужчина, что бабахнул дверь, едва не заставив его вскрикнуть от неожиданности, проследовал к раковинам. Потекла вода, потом кран закрыли. Телл решил, что мужчина прислушивается, гадая, кто же это смеется в одной из кабинок и чем вызван смех: шуткой, порнографической картинкой или тем, что у обитателя кабинки поехала крыша. В Нью-Йорке, в конце концов, чокнутых хоть пруд пруди. Они постоянно попадаются на глаза, разговаривают сами с собой, смеются безо всякой причины... точно так же, как только что смеялся он сам.

Телл попытался представить себе, что кроссовки тоже слушают, и не смог.

Внезапно у него пропало всякое желание смеяться.

Внезапно у него возникло другое желание: как можно быстрее покинуть и кабинку, и туалет.

Правда, он не хотел, чтобы его увидел мужчина, который вымыл руки. Мужчина бросит на него короткий взгляд, который будет длиться лишь доли мгновения, но и этого времени хватит, чтобы понять, о чем он думает: людям, которые смеются за закрытой дверью туалетной кабинки, доверять нельзя.

Шаги проследовали к двери, она открылась и медленно закрылась, спасибо пневматическому доводчику. Открыть ее можно было с треском, закрыть – нет, дабы не нарушить покой регистратора третьего этажа, который курил «Кэмел» и читал последний номер «Кранга».

Господи, до чего же здесь тихо. Почему этот парень не шевельнется? Хоть чуть-чуть?

Но в туалете стояла тишина, вязкая, абсолютная, та самая тишина, которую, должно быть, слышат мертвецы, лежа в гробах, если они, конечно, могут что-то слышать, и Телл вновь убедил себя, что обладатель кроссовок умер, к черту логику, он умер, умер очень и очень давно, но по-прежнему сидит в первой кабине, и, если распахнуть дверцу, твоим глазам откроется неудобоваримое...

Он уж собрался крикнуть: «Эй, сосед! Ты в порядке?»

Но вдруг обладатель кроссовок ответит? Нет, вопросительным или раздраженным голосом, прокрипит что-то нечленораздельное. Он не раз слышал о том, что мертвых будить нельзя. И...

Телл резко встал, спустил воду, выходя из кабинки, застегнул пуговицу на поясе, подходя к двери – молнию ширинки, понимая, что несколько секунд будет чувствовать себя круглым идиотом, но его это совершенно не волновало. Однако он не удержался от того, чтобы бросить взгляд под первую кабинку, когда проходил мимо. Все те же грязные белые кроссовки. И дохлые мухи. Много мух.

Почему в моей кабине нет дохлых мух? И как могло получиться, что за столько времени он не заметил, что пропустил при шнуровке одну дырочку? Или он специально ее пропускает, это элемент его артистического самовыражения?

Телл с силой толкнул дверь, выходя из туалета. Регистратор окинул его взглядом, полным холодного любопытства. Такие предназначались исключительно простым смертным (на богов в образе человеческом вроде Роджера Долтри он смотрел совсем другими глазами).

Телл поспешил в «Табори студиоз».

– Пол?

– Что? – ответил Дженнингс, не отрывая глаз от пульта.

Джорджи Ронклер стоял чуть сбоку, поглядывая на Дженнингса, и грыз кутикулу. Ничего больше он грызть просто не мог: ногти объедал, стоило им чуть приподняться над пальцем. И уже пятился к двери, чтобы мгновенно выскочить за нее, если Дженнингс вдруг разразится гневной речью.

– Я думал, может, что не так в...

– В чем еще?

– А ты про что?

– Я про барабанный трек. Сделан он отвратительно, и я не знаю, как нам выходить из этого положения. – Он шелкнул тумблером и загремели барабаны. – Слышишь?

– Ты про малый барабан?

– Разумеется, я про малый барабан! Он же просто на милую выпирает среди ударных, но без него не обойтись!

– Да, но...

– Да, но что? Как же я ненавижу все это дерьмо! Накладываю сорок треков, *сорок паршивых треков, чтобы записать одну-единственную мелодию, и какой-то ИДИОТ звукотехник...*

Уголкем глаза Телл заметил, как Джорджи юркнул за дверь.

– Но послушай, Пол, если понизить уровень звука...

– Уровень звука не имеет никакого отношения...

– Заткнись и послушай. – Такое Телл мог сказать только Дженнингсу. Он сдвинул рычажок. Дженнингс замолчал, прислушался. Задал вопрос. Телл ответил. Задал второй. Телл ответить не смог, но Дженнингс справился без него, и неожиданно перед ними открылся целый спектр новых возможностей. Запись песни «Ответь себе, ответь мне» вышла на финишную прямую.

Какое-то время спустя, убедившись, что буря улеглась, в студию вернулся Джорджи Ронклер.

А Телл напрочь позабыл про кроссовки.

Они пришли ему на ум следующим вечером. Уже дома он сидел на собственном унитазе, читал «Умную кровь», слушал музыку Вивальди, доносящуюся из динамиков в спальне (хотя Телл зарабатывал на жизнь микшированием рок-н-ролла, в квартире он держал только четыре рок-альбома: два Брюса Спрингстина и два Джона Фогерти).

Внезапно он оторвался от книги. В голове у него возник ну совершенно нелепый вопрос: «А когда ты в последний раз справлял большую нужду вечером, Джон?»

Он не помнил, но почему-то подумал, что в будущем такое станет случаться все чаще и чаще. Дело шло к тому, что одну из привычек ему придется поменять.

Пятнадцать минут спустя, когда он сидел в гостиной, положив книгу на колени, Телл вдруг осознал, что в этот день ни разу не побывал в мужском туалете на третьем этаже. В десять они пошли выпить кофе, и он пописал в туалете «Дружище Пончик», пока Пол и Джорджи сидели у стойки. Потом, во время ленча, заскочил в туалет кафешки «Пиво и бургеры»... Еще раз сходил по-маленькому на первом этаже, куда относил почту, хотя мог бросить ее в специальный ящик у лифта.

Он избегал мужской туалет на третьем этаже? Весь день избегал его, не отдавая себе в этом отчета? Пожалуй, что да. Избегал его, как испуганный ребенок делает крюк, возвращаясь домой после школы, чтобы не проходить мимо дома, в котором, по утверждению знатоков, обитают призраки. Избегал туалет, как чумы?

– И что из этого следует? – спросил он вслух.

Он не знал, что из этого следовало, но понимал: это уже перебор, даже для Нью-Йорка, если из-за пары грязных кроссовок человек боится зайти в общественный туалет.

И Телл ответил себе, тоже вслух:

– С этим пора кончать.

Но разговор с самим собой был в четверг вечером, а днем позже произошло событие, которое все перевернуло. Между ним и Полом Дженнингсом пробежала черная кошка.

Застенчивость Телла не позволяла ему быстро заводить друзей. В маленьком пенсильванском городке лишь волей случая Телл оказался на сцене с гитарой в руках – такого он просто себе представить не мог. Бас-гитара группы «Атласные Сатурны» свалился с сальмонеллезом за день до щедро оплаченного концерта. Лидер группы знал, что Телл может играть и на бас– и на ритм-гитаре. Парень он был здоровый и драчливый. А Джон Телл, наоборот, маленький и тихий. Вот он и предложил Теллу выбор: сыграть на бас-гитаре или получить хорошую трепку. Решение Телла, естественно, никого не удивило, но оно не имело никакого отношения к его желанию выступить перед большой аудиторией.

Где-то на третьей песне Телл уже справился с волнением и ничего не боялся. А к концу первого отделения понял, что нашел свое призвание. Через много лет после своего первого концерта Телл услышал историю о Билле Уаймене, бас-гитаре «Роллинг стоунз». Согласно этой истории, Уаймен задремал во время концерта, и не в каком-нибудь маленьком клубе, а в огромном зале, и свалился со сцены, сломав ключицу. Телл не сомневался в том, что многие люди воспринимали эту историю как откровенную выдумку, но сам он знал, что это скорее всего правда... Его личный опыт свидетельствовал, что такое вполне могло случиться. Бас-гитаристы – самые незаметные люди в мире рока. Исключения были, тот же Пол Маккартни, но они лишь подтверждали правило.

Возможно, потому, что позиция бас-гитариста лишена блеска, их всегда не хватает. И когда месяц спустя «Атласные Сатурны» развалились (лидер и барабанщик подрались из-за девушки), Телл присоединился к группе, организованной ритм-гитаристом «Сатурнов», и двинулся дальше по избранному пути.

Теллу нравилось играть в группе. Ты на сцене, смотришь на всех сверху вниз, не просто участвуешь в вечеринке, но практически ее организуешь. Время от времени тебе приходится подпевать, но никто не ждет, что ты будешь произносить речь.

Так он и жил, учился и играл, десять лет. Свое дело знал, но честолубием не отличался, не было у него стремления пробиться на самую вершину. И в конце концов попал в Нью-Йорк, начал участвовать в сессиях, возиться с пультами и понял, что микширование нравится ему даже больше, чем выступления перед зрителями. И за все это время он обрел только одного настоящего друга – Пола Дженнинга. Произошло это очень быстро, Телл полагал, что одна из причин – работа плечом к плечу, но не только она. Главное, по его разумению, заключалось в собственном одиночестве и личности Дженнинга, его неотразимой харизме. А обдумывая случившееся в пятницу, Телл решил, что и с Джорджи произошло то же самое.

Он и Пол пили пиво за одним из дальних столиков в пабе «Макманус», разговаривали о микшировании, бопе, бейсболе, всякой ерунде, когда правая рука Дженнинга нырнула под столик и мягко ухватила Телла за промежность.

Телл так дернулся, что свеча в центре столика упала на скатерть, а из стакана Дженнинга выплеснулось пиво. Подбежавший официант поставил свечу до того, как она прожгла скатерть, и отошел. Телл, изумленный, шокированный, вытаращился на Дженнинга.

– Извини. – По лицу Дженнинга чувствовалось, что он извиняется, но, с другой стороны, он не находил в своих действиях ничего особенного.

– Господи Иисусе, Пол! – только и смог вымолвить Телл.

– Я думал, ты к этому готов, ничего больше, – пожал плечами Дженнингс. – Наверное, мне следовало действовать тоньше.

– Готов? – повторил Телл. – Что ты хочешь этим сказать? Готов к чему?

– Раскрыться. Позволить себе раскрыться.

– Я не такой. – Сердце Телла стучало, как паровой молот. И от ярости, и от страха – очень его испугало то, что он прочитал в глазах Дженнинга, – а больше всего от отвращения. Испугался же он решения Дженнинга поставить жирную точку в их отношениях.

– Давай об этом забудем, а? – предложил Дженнингс. – Закажем ужин и сделаем вид, что ничего не случилось. – *Если только ты не согласишься пойти мне навстречу*, добавили его глаза.

Но ведь случилось, и от этого не уйти, хотелось сказать Теллу, но он промолчал. Здравый смысл и практичность удержали рот на замке, не позволили спровоцировать Пола Дженнингса. Все-таки он не мог пожаловаться на работу, да и следовало подумать о будущем. Пленка с записью альбома Роджера Долтри могла принести даже больше пользы, чем двухнедельное жалование. Вот он и решил показать себя дипломатом и не давать волю благородной ярости. Да и потом, с чего ему закатывать скандал? Дженнингс же не изнасиловал его.

Но это была лишь верхушка айсберга. Он не раскрыл рта, потому что и сердцем, и душой понял: с Дженнингсом у него больше нет и не будет ничего общего.

– Хорошо, – кивнул Телл, – ничего не случилось.

В ту ночь он спал плохо, его мучили кошмары. То Дженнингс вновь хватал его за яйца в «Макманусе», то он оказывался в туалете, где из-под дверцы кабинки виднелись кроссовки, только во сне он открывал дверцу и видел, что на унитазах сидит Пол Дженнингс. Он умер голым, но состояние сексуального возбуждения сохранилось и после смерти. Рот Пола приоткрылся. «Давно бы так. Я знал, что ты уже готов», – произнес труп, выдохнув клуб зеленоватого гнилого воздуха, и Телл проснулся на полу, завернутый в одеяло. Взглянул на часы. Самое начало пятого. На востоке только занималась заря. Телл оделся и курил сигарету за сигаретой, пока не пришло время идти на работу.

На той же неделе, в субботу (над альбомом Долтри они работали по шестидневке, чтобы успеть к установленному сроку), часов в одиннадцать утра Телл пошел в мужской туалет третьего этажа по малой нужде. Переступил порог, постоял, потирая виски, потом повернулся к кабинкам.

И ничего не увидел, потому что они не попадали в поле зрения.

И ладно! Нечего там смотреть! Отлей и выметайся отсюда!

Он медленно подошел к одному из писсуаров, расстегнул молнию. Долго стоял, дожидаясь, когда же процесс пойдет.

Не доходя до двери, остановился, склонив голову набок, словно пес Ниппер на старых пластинках звукозаписывающей компании «Ар-си-ар Виктор», потом резко повернулся. Медленно обошел угол и вновь остановился, едва увидев пол под дверью первой кабинки. Грязно-белые кроссовки стояли на прежнем месте. Здание, которое раньше называли Мюзик-Сити, по субботам практически пустовало, но кроссовки торчали из-под дверцы туалетной кабинки.

Взгляд Телла задержался на мухе, летавшей перед кабинкой. Он наблюдал, как муха поднырнула под дверцу, села на грязный мысок одной из кроссовок. А мгновением позже умерла и свалилась на пол, в компанию к другим дохлым насекомым. Среди мух Телл обнаружил, особо не удивившись, двух маленьких пауков и одного крупного таракана, который лежал на спине, как перевернутая черепаха.

Большими шагами Телл вышел из мужского туалета, а когда возвращался в студию, ему казалось, что он стоит на месте, а коридор проплывает мимо.

Как только войду, сразу скажу Полу, что мне нехорошо и отпрошусь на остаток дня, думал он, но не произнес ни слова. Пол в тот день пребывал в дурном настроении, и Телл прекрасно знал, что тому причина. Мог ли Пол уволить его по злобе? Неделю назад он бы только рассмеялся. Но неделю назад он все еще верил, что друзья бывают настоящими, а призраки – сушая выдумка. Теперь он все более склонялся к мысли, что эти два утверждения верны с точностью до наоборот.

– Возвращение блудного сына, – пробурчал Дженнингс, не оглядываясь, услышав звук открывающейся двери. – Я думал, ты там умер.

– Нет, – ответил Телл. – Не я.

За день до окончания микширования альбома Долтри (и сотрудничества с Полом Дженнингсом) Телл выяснил, что в кабинке – призрак, но до этого случилось много разного и всякого. Однако все эти события, словно километровые столбы на шоссе, указывали на уверенное движение Джона Телла к нервному срыву. Он понимал, что происходит, но ничего не мог изменить. Словно он не сам ехал по этой дороге, а его везли по ней.

Поначалу он выбрал вроде бы оптимальный вариант: избегать мужского туалета на третьем этаже, избегать всех мыслей и вопросов о кроссовках. Вычеркнуть сей предмет из своей жизни. Наплевать и забыть.

Да только не получилось. Кроссовки совершенно неожиданно врываются в его бытие и отравляли сознание, как давнее горе. Он мог сидеть дома, смотреть Си-эн-эн или какое-нибудь глупое ток-шоу, и вдруг выяснялось, что думает он о дохлых мухах, которых, очевидно, не видел уборщик, меняя в кабинке рулон туалетной бумаги. Потом он смотрел на часы и обнаруживал, что прошел час. А то и больше.

На какое-то время он даже пришел к выводу, что стал жертвой розыгрыша. Пол определенно в этом участвовал, а также толстяк из «Янус мюзик». Телл не раз видел, как они о чем-то разговаривали. И вроде бы даже смотрели в его сторону и смеялись. Скорее всего не обошлось и без регистратора, с его «Кэмелом» и тусклым, скептическим взглядом. Джорджи? Это вряд ли. Джорджи не умел хранить секретов, так что Пол не стал бы втягивать его в эту авантюру, желающих подшутить над ближним хватало и без него. День или два Телл размышлял, входил ли Роджер Долтри в число тех, кто по очереди устраивался в туалетной кабинке в грязных белых кроссовках с пропущенной дырочкой для шнуровки.

И хотя он осознавал, что такие мысли – паранойя, понимание не помогало от нее избавиться. Он приказывал им уйти, настаивал, что Дженнингс не устраивает никакого заговора против него, и его рассудок вроде бы соглашался: «Да, да, это разумно», – но через пять часов, а может, и через двадцать минут, Телл живо представлял себе, как они сидят за столом в «Десмондс стейк хаус», в двух кварталах от Мюзик-Сити: Пол, регистратор, не вынимающий сигарету изо рта и обожающий хэви-метал, может, даже худосочный парень из «Снэппи кардс» – едят, пьют и, естественно, смеются. Смеются *над ним*, а грязные белые кроссовки, которые они надевали по очереди, стоят под столом в мятом бумажном пакете.

Телл буквально видел этот пакет. Вот как далеко все зашло.

Но одними фантазиями дело не закончилось. Вскоре выяснилось, что мужской туалет третьего этажа притягивает его. Словно там поставили сильный магнит, а его карманы набили железом. Если бы раньше кто-то сказал ему что-то подобное, он бы рассмеялся (может, и про себя, если человек говорил очень уж увлеченно), но чувство это возникало всякий раз, когда он проходил мимо туалета, то ли в студию, то ли к лифтам. Ужасное чувство, словно тебя тянет к открытому окну или ты наблюдаешь, будто со стороны, как твоя рука поднимает пистолет ко рту и губы засасывают кончик ствола.

Он хотел посмотреть вновь. Он понимал, что одного взгляда хватит для того, чтобы у него окончательно поехала крыша, но его это не волновало. Он хотел посмотреть вновь.

Всякий раз, когда он проходил мимо туалета, в нем схлестывались два желания.

А уж во сне он снова и снова открывал дверь кабинки. Только для того, чтобы посмотреть.

Один раз посмотреть.

И он ни с кем не мог поделиться своими тревогами. Он понимал: будет лучше, если он нашепчет кому-нибудь на ушко о том, что с ним происходит, облегчив душу, возможно, сможет иначе оценить ситуацию, даже найти новую точку опоры и изменить жизнь к лучшему. Дважды он заходил в бары и уже заводил разговор с незнакомцами, сидевшими рядом. Потому что,

думал он, именно в барах разговоры стоили совсем ничего. Не дороже двух-трех стаканчиков виски или кружек пива.

Но в первый раз не успел открыть и рта, как мужчина заговорил о «Янки» и Джордже Стайнбреннере. Стайнбреннер занимал все мысли мужчины. Отвлечь его от этой темы не представлялось возможным. Телл скоро перестал и пытаться.

Во второй раз он завел более продуктивный разговор с женщиной, похожим на строителя. Они поговорили о погоде, о бейсболе (к счастью, мужчина, в отличие от первого собеседника, не бредил этой игрой), о том, как трудно найти в Нью-Йорке хорошую работу. Телл потел. У него сложилось ощущение, будто он выполняет очень тяжелую физическую работу, к примеру, везет по пандусу тачку с цементом, но он чувствовал, что на этот раз сможет поделиться с незнакомцем самым сокровенным.

Мужчина, похожий на строителя, пил «Блэк рашенс». Телл – пиво. И ему казалось, что оно выходит с потом, как только он его выпивает. Однако, заказав строителю пару стаканчиков и получив в ответ две кружки пива, Телл взял себя в руки и решил, что пора начинать.

– Хочешь услышать что-то очень необычное? – спросил он.

– Ты – гей? – спросил мужчина, похожий на строителя, прежде чем Телл успел продолжить. Он повернулся к Теллу, с искренним любопытством посмотрел на него. – Я хочу сказать, мне без разницы, гей ты или нет, но просто подумал, надо сразу предупредить тебя, что я в эти игры не играю. Ограничиваюсь девочками, знаешь ли.

– Я не гей.

– Да? А в чем же необычное?

– Что?

– Ты же хотел рассказать мне о необычном.

– В этом как раз нет ничего необычного. – Телл взглянул на часы и сказал, что ему пора.

За три дня до завершения работы над альбомом Долтри Телл вышел из Студии F по малой нужде. Теперь он ходил на шестой этаж. Он побывал и в туалетах на четвертом, и на пятом этажах, но они располагались аккуратно над туалетом третьего этажа, и он чувствовал, что хозяин кроссовок зазывает его к себе. А вот на шестом этаже туалет находился в другом крыле, и никаких отрицательных эмоций у Телла не возникало.

Он миновал стол регистратора, направляясь к лифтам, мигнул и совершенно неожиданно для себя вместо кабины лифта оказался в туалете третьего этажа, а пневматический доводчик уже аккуратно закрывал за ним дверь. Никогда еще Телл не испытывал такого страха. Конечно, он боялся и кроссовок, но главная причина заключалась в том, что на три или шесть секунд его лишили сознания. Словно кто-то взял и отключил его разум.

Он понятия не имел, как долго стоял столбом, когда открылась дверь и больно стукнула его по спине. Вошел Пол Дженнингс.

– Извини, Джонни. Я не знал, что ты приходишь сюда медитировать.

И проследовал к кабинкам, не дожидаясь ответа (уже потом Телл подумал, что и не смог бы ничего ответить: его язык прилип к гортани). Телл сумел только дойти до первого писсуара и расстегнуть молнию. Лишь потому, что ему не хотелось, чтобы Пол наслаждался его испугом. А ведь совсем недавно он видел в Поле друга, может, своего единственного друга во всем Нью-Йорке. Времена определенно менялись.

Телл постоял у писсуара секунд десять, переливая в него содержимое мочевого пузыря, затем повернулся, на цыпочках направился к кабинкам, заглянул под дверь первой. Кроссовки никуда не делись, их по-прежнему окружали дохлые мухи.

Но кроме кроссовок Телл увидел и туфли Пола Дженнингса от Гуччи.

У Телла что-то случилось со зрением. Поначалу он видел туфли Пола сквозь кроссовки. Потом кроссовки уменьшились в размерах и он уже видел их сквозь туфли, словно призраком

стал Пол. Но туфли Пола находились в постоянном движении, мыски и пятки поднимались и опускались, сами туфли чуть поворачивались из стороны в сторону, тогда как кроссовки оставались неподвижными.

Телл ушел. Впервые за две недели тревога покинула его, уступив место ледяному спокойствию.

На следующий день он сделал то, с чего скорее всего следовало начинать: пригласил Джорджи Ронклера на ленч и спросил, не слышал ли тот каких-нибудь слухов и легенд, касающихся здания, которое когда-то называлось Мюзик-Сити. Оставалось загадкой, почему такая мысль не пришла к нему в голову раньше. Но он точно знал, что вчерашнее происшествие прочистило ему мозги, привело в чувство, как стакан холодной воды, выплеснутой в лицо. Джорджи мог ничего не знать, но мог и знать. Он проработал с Полом семь лет, и немалую их часть – в Мюзик-Сити.

– Ты про призрака? – спросил Джорджи и рассмеялся. Они сидели в «Картинсе», кафе на Шестой авеню. Джорджи откусил от мясного сэндвича, прожевал, проглотил, запил крем-содой. – Кто тебе о нем рассказал, Джонни?

– Кто-то из уборщиков, – ровным голосом ответил Телл.

– Ты уверен, что не видел его? – Джорджи подмигнул.

– Нет, – честно ответил Телл. Он видел только кроссовки. Идохлых мух. Вперемешку с пауками и тараканом.

– Знаешь, теперь эта история как-то подзабылась, но раньше говорили только об этом. О парне, призрак которого поселился в Мюзик-Сити. Его убили на третьем этаже. В мужском туалете. – Джорджи поднял руки, потряс пальцами на уровне заросших бородой щек, пробубнил несколько нот из саундтрека «Сумеречной зоны», пытаясь изобразить что-то зловещее. Разумеется, ничего у него не вышло.

– Да, – кивнул Телл, – именно это я и слышал. Но уборщик больше ничего не мог сказать, потому что не знал. Рассмеялся и ушел.

– Произошло это до того, как я начал работать с Полом. Собственно, Пол мне все и рассказал.

– Он никогда не видел призрака? – спросил Телл, и так зная ответ. Только вчера Пол *сидел* в призраке. Не просто сидел – *спал* в нем.

– Нет, и он высмеивал эти байки. – Джорджи жевал сэндвич. – Ты же знаешь, как он это умеет. Не без з-злости. – Джорджи начинал заикаться, когда ему приходилось говорить что-то нелестное.

– Знаю. Бог с ним, с Полом. Кто этот призрак? Что с ним случилось?

– Какой-то торговец наркотиками. Было это в 1972-м или 1973-м. Когда Пол только начинал и работал помощником микшера. Незадолго до Обвала.

Телл кивнул. С 1975 по 1980 годы рок-индустрия переживала тяжелые времена. Подростки тратили деньги не на пластинки, а на видеоигры. И наверное, в пятнадцатый раз, начиная с 1955 года ученые мужи предвещали смерть рок-н-ролла. Но, как и в других случаях, время доказало, что клиент скорее жив, чем мертв. Видеоигры приелись, в эфир вышло Эм-ти-ви, из Англии понаехали новые звезды, Брюс Спрингстин спел «Рожденный в США», рэп и хип-хоп начали приобретать все больше поклонников.

– До Обвала перед большими шоу сотрудники звукозаписывающих компаний сами приносили за кулисы кокаин. Я тогда работал на концертах и все видел своими глазами. Один парень, он умер в 1978 году, но ты бы узнал его имя, если б я его назвал, перед каждым концертом получал от своей фирмы кувшинчик с оливками. Такой аккуратненький, завернутый в красивую бумагу. Только вместо перца и анчоусов оливки эти фаршировались кокаином. Он клал их в «мартини», которые называл вз-з-зрывными.

– Готов спорить, они и взрывали, – поддакнул Телл.

– Тогда многие полагали, что кокаин особо не отличается от витаминов, – продолжил Джорджи. – Они говорили, что к нему не развивается привыкание, как к героину, а наутро не болит голова, как после спиртного. Так что в это здание регулярно приносили «снежок». В ходу были и колеса, и травка, и гашиш, но предпочтение отдавалось кокаину. Этот парень...

– Как его звали?

Джорджи пожал плечами.

– Не знаю. Пол не говорил, и я не слышал, чтобы кто-то называл его имя... а если и слышал, то не запомнил. Д-должно быть, ничем не отличался от тех разносчиков, которые сейчас снуют по этажам с кофе, пончиками и кренделями. Только вместо кофе этот парень разносил кокаин. Появлялся два или три раза в неделю, поднимался на верхний этаж, а потом спускался вниз. На руке висело пальто, пальцы крепко сжимали ручку брífкейса из крокодиловой кожи. Пальто висело на руке даже в самые жаркие дни. Чтобы люди не видели наручник. Но я думаю, об этом и так все знали.

– О чем?

– О н-н-наручнике. – Из рта Джорджи полетели кусочки хлеба и мяса. – Ой, извини, Джонни.

– Ерунда. Хочешь крем-сода?

– Да, спасибо, – благодарно ответил Джорджи.

Телл подозвал официантку.

– Значит, он был разносчиком. – Ему хотелось побыстрее услышать продолжение, но Джорджи все утирал рот салфеткой.

– Совершенно верно. – На столе появилась бутылка с крем-содой, Джорджи присосался к соломинке. – На восьмом этаже он выходил из лифта с брífкейсом, набитым наркотиками. Когда добирался до первого этажа, вместо наркотиков в брífкейсе лежали деньги.

– Лучший фокус после обращения свинца в золото, – заметил Телл.

– Да, но однажды магия дала осечку. В тот день он добрался только до третьего этажа. Кто-то пришел его в мужском туалете.

– Зарезал?

– Насколько мне известно, кто-то открыл дверь кабинки, когда он с-сидел там, и воткнул карандаш ему в глаз.

На мгновение Телл увидел эту сцену так же ясно, как мятый бумажный пакет под ресторанным столом, за которым сидели заговорщики: остро заточенный карандаш втыкается в изумленный зрачок. Глаз выплскивается наружу. Его передернуло.

Джорджи покивал.

– У-у-ужасно, правда? Но, возможно, это выдумка. Я про карандаш. Скорее всего его пристрелили или пырнули ножом.

– Да.

– Но тот, кто это сделал, имел при себе что-то острое.

– Имел?

– Да. Потому что брífкейс исчез.

Телл посмотрел на Джорджи. И эту сцену он представил себе без особого труда. До того, как Джорджи рассказал ему остальное.

– Когда прибыли копы и вытащили парня из кабинки, в унитазе они нашли к-кисть левой руки.

– Понятно, – выдохнул Телл.

Джорджи смотрел на тарелку с половиной сэндвича.

– Что-то я уже н-наелся. – И он виновато улыбнулся.

– Так получается, что призрак этого парня поселился в... мужском туалете третьего этажа? – спросил Телл, когда они возвращались на студию, и рассмеялся. С одной стороны, история печальная, с другой – комичная: призрак облюбовал себе сортир.

Джорджи улыбнулся.

– Ты же знаешь, какой у нас народ. Именно так и говорили. Когда я начал работать с Полом, мне не раз рассказывали о том, что видели призрак в туалете. Не всего, а только его кроссовки, торчащие из-под двери.

– Только кроссовки, значит. Любопытно.

– Да. И я сразу понимал, что они все выдумывают, потому что слышали об этом от тех, кто действительно видел посыльного своими глазами. От тех, кто знал, что он носил кроссовки.

Телл, который в те годы, когда произошло убийство, жил в маленьком пенсильванском городке и, естественно, не мог ничего знать об убийстве в Мюзик-Сити, кивнул. Они вошли в вестибюль, направились к лифтам.

– Но ты знаешь, сколь быстро меняются люди в нашем бизнесе, – заметил Джорджи. – Сегодня они здесь, а завтра их и след простыл. Я сомневаюсь, что в здании есть хоть один человек, который работал тут в те годы, кроме разве что Пола и нескольких уб-борщиков. И никто из них не покупал товар у этого парня.

– Скорее всего нет.

– Точно нет. Поэтому об этой истории больше не вспоминают, и призрака н-никто не видит.

Они вошли в кабину лифта.

– Джорджи, а почему ты держишься за Пола?

И хотя Джорджи опустил глаза и кончики его ушей покраснели, он не сильно удивился столь резкой перемене темы.

– Почему нет? Он заботится обо мне.

«Ты спишь с ним, Джорджи?» Телл полагал, что вопрос этот просто напрашивался, вытекал из предыдущего, но он не стал его задавать. Не решился задать. Потому что чувствовал, что Джорджи честно на него ответит.

И Телл, которому приходилось собирать волю в кулак, чтобы заговорить с незнакомцем, который с невероятным трудом заводил друзей, внезапно обнял Джорджи. А Джорджи, не поднимая глаз, обнял его. Потом они оторвались друг от друга, лифт остановился, микширование продолжилось. На следующий вечер, в шесть пятнадцать, когда Дженнингс собирал бумаги (и намеренно не смотрел на Телла), Телл зашел в мужской туалет третьего этажа, чтобы взглянуть на хозяина белых кроссовок.

Когда он говорил с Джорджи, ему внезапно открылась истина... Может, стоило даже сказать, что его озарило. Истина эта заключалась в следующем: иногда избавиться от призраков, которые портят жизнь, можно только в том случае, если достанет духа взглянуть им в лицо.

На этот раз он не терял сознания, не испытывал страха, сердце, правда, колотилось сильнее. И обострились все чувства. Он унюхал и хлорку, и запах розовых дезинфицирующих таблеток, лежащих в писсуарах, и чью-то перду. Он видел мельчайшие трещинки на краске, как на стенах, так и на трубах. А в ушах, когда направлялся к первой кабинке, громом отдавались его шаги.

Дохлые мухи и пауки буквально завалили кроссовки.

Поначалу я заметил только одну или две дохлых мухи. Они не умирали, пока под дверью первой кабинки не появились кроссовки, а они не появлялись, пока я их не увидел.

– Почему я? – громко и отчетливо спросил он туалетную тишину.

Кроссовки не шевельнулись, замогильный голос не ответил.

– Я тебя не знаю, мы с тобой никогда не встречались, мне ни к чему твой товар. Так почему я?

Одна из кроссовок чуть двинулась. Захрустели мушиные трупки. Затем кроссовка с пропущенной дырочкой для шнуровки вернулась на прежнее место.

Телл открыл дверцу кабинки. По всем канонам готического жанра, одна петля заскрипела. Интуиция Телла не подвела. Конечно же, он увидел призрака.

Призрак сидел на унитазе, одна рука лежала у него на бедре. В общем, таким Телл и представлял его в своих кошмарах, правда, с двумя кистями, а не с одной. Вторая рука заканчивалась кровавым обручком, засиженным мухами. Только теперь Телл понял, что ни разу не видел брюк призрака (а ведь штанины всегда лежат на обуви, если заглянуть под дверцу туалетной кабинки: этим делом занимаются исключительно со спущенными штанами). Он и не мог их увидеть, потому что призрак не расстегивал ни ремень, ни ширинку. Носил он бананы. Телл попытался вспомнить, когда же бананы вышли из моды, и не смог.

Компанию бананам составляла джинсовая рубашка с накладными карманами. Клапан каждого кармана украшала эмблема борцов за мир. Волосы он зачесывал направо. На проборе тоже лежали дохлые мухи. С крючка на задней стороне дверцы свешивалось пальто, о котором говорил Джорджи. Дохлые мухи валялись на плечах.

Что-то заскрипело, совсем не так, как дверная петля. Телл понял, что это сухожилия шеи призрака. Он поднимал голову. Посмотрел на него, и Телл даже не удивился тому, что видит перед собой лицо, которое ежедневно лицезрел в зеркале, когда брился. Разумеется, за исключением торчащего из глаза обломка карандаша. Призрак стал им, а он – призраком.

– Я знаю, что ты готов, – услышал он хриплый, бесцветный голос человека, у которого долгое время бездействовали голосовые связки.

– Я не готов, – ответил Телл. – Уходи.

– Готов услышал правду, – уточнил Телл, сидящий на унитазе, и Телл, стоящий у дверцы кабинки, увидел круги белого порошка у ноздрей второго Телла. Похоже, тот не только при торговывал кокаином, но и сам потреблял это зелье. А в туалет зашел, чтобы нюхнуть белого порошка. Но кто-то распахнул дверцу и загнал ему в глаз карандаш. Только кто мог убить карандашом? Может, человек, который совершал убийство в состоянии...

– О, считай, что это импульсивное преступление. – Все тот же хриплый, бесцветный голос. – Знаменитое преступление, совершаемое по внезапно возникшему импульсу.

И Телл, Телл, стоявший у дверцы, понял, что так оно и было, что бы там ни говорил Джорджи. Убийца не заглянул под дверцу кабинки, а посыльный забыл закрыть ее на задвижку. При других обстоятельствах все закончилось бы «Извините меня», а претендент на посещение кабинки воспользовался бы соседней. Но в данном конкретном случае дело приняло иной оборот. Встреча над унитазом привела к убийству.

– Я не забыл закрыть дверь на задвижку, – прохрипел призрак. – Ее сломали.

Да, конечно, задвижку сломали. Обычное дело. А карандаш? Телл не сомневался, что убийца, открывая дверцу кабинки, даже не подозревал о том, что карандаш в его руке – оружие убийства. Он пришел в туалет с карандашом, потому что многим нравится держать что-то в руке: сигарету, кольцо с ключами, ручку или карандаш. Телл подумал, что карандаш оказался в глазу посыльного, прежде чем и убитый, и убийца поняли, как последний собирается его использовать. Возможно, убийца также был клиентом посыльного и знал, что находится в чемодане. Поэтому он закрыл дверцу кабинки, оставив покойника на унитазе, вышел из туалета, спустился на лифте вниз, покинул Мюзик-Сити, чтобы купить... ну что-нибудь...

– Он пошел в хозяйственный магазин, расположенный в пяти кварталах от Мюзик-Сити, и купил ножовку, – объяснил призрак, и Телл вдруг заметил, что у него уже другое лицо, мужчины лет тридцати. Поначалу у призрака были русые волосы, такие же, как у Телла, но теперь они стали черными.

Внезапно ему открылась еще одна истина: когда люди видят призраков, прежде всего им кажется, что призраки похожи на них. Почему? По той же причине ныряльщики, поднимаясь, выдерживают паузу, не достигнув поверхности. Они знают, что слишком быстрый подъем приведет к закипанию азота в крови, а это чревато страданиями и даже смертью. Организм просто принимает меры предосторожности.

– Восприятие изменяется, когда ты переходишь границу реальности, так? – сипло спросил Телл. – Поэтому жизнь в последнее время казалась какой-то странной? Что-то внутри меня старалось... старалось наладить с тобой контакт?

Призрак пожал плечами. Дохлые мухи посыпались на пол.

– Рассказывай... у тебя есть голова на плечах.

– Хорошо, – ответил Телл. – Расскажу. Он купил ножовку, и продавец положил ее в пакет. Потом вернулся в Мюзик-Сити. Он совершенно не волновался. Если бы кто-то тебя обнаружил, он бы сразу это понял: у туалета собралась бы толпа. Так он, во всяком случае, предполагал. Возможно, появились бы и копы. А если никого не будет, решил он, тогда он войдет и заберет брифкейс.

– Сначала он попытался распилить цепь, – пояснил хриплый голос. – А когда не получилось, отпилил мне руку.

Они смотрели друг на друга. До Телла вдруг дошло, что он видит и туалетное сиденье, и грязный белый кафель за спиной трупа... то есть труп наконец-то начал превращаться в настоящего призрака.

– Теперь ты знаешь? – спросил он. – Теперь ты знаешь, почему *ты*?

– Да. Ты должен был кому-то сказать.

– Нет... история – дерьмо. – Тут призрак так зловеще улыбнулся, что по коже Телла побежали мурашки. – Но иногда знание помогает... если ты все еще жив. – Он помолчал. – Ты забыл спросить у своего друга Джорджи одну важную вещь, Телл. Впрочем, он мог и не дать тебе честного ответа.

– Что? – Впрочем, Телл уже сомневался, а хотелось ли ему услышать ответ.

– Кто на третьем этаже был моим самым крупным покупателем. Кто задолжал мне почти восемь тысяч баксов. Кто больше не получал в долг ни щепотки кокаина. Кто после моей смерти на два месяца отправился в лечебно-реабилитационный наркологический центр в Род-Айленде и излечился от пагубной привычки. Кто после этого и близко не подходит к белому порошку, лишь изредка балуясь травкой. Джорджи в те дни здесь не было, но, думаю, он знает ответы на все эти вопросы. Потому что он слышит то, о чем говорят люди. А ты, наверное, заметил, что люди частенько разговаривают так, словно и не замечают присутствия Джорджи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.